

Статский советник

Автор:

[Борис Акунин](#)

Статский советник

Борис Акунин

Приключения Эраста Фандорина #7

1891 год. Брожение в умах, революционные идеи популярны среди молодежи, повсюду возникают революционные кружки. Но не для всех это только мода.

Группа, называющая себя «Б. Г.», работает точно и дерзко. Убит сибирский генерал-губернатор, убийца – человек, предъявивший документы на имя Эраста Фандорина. Эраст Петрович принимает вызов и берется за расследование. Кто стоит за буквами «Б. Г.»? Что сделало их террористами? Ради чего они совершают свои кровавые преступления?

Борис Акунин

Статский советник

(политический детектив)

Пролог

По левой стороне окна были слепые, в сплошных бельмах наледи и мокрого снега. Ветер кидал липкие, мягкие хлопья в жалостно дребезжащие стекла,

раскачивал тяжелую тушу вагона, все не терял надежды спихнуть поезд со скользких рельсов и покатить его черной колбасой по широкой белой равнине – через замерзшую речку, через мертвые поля, напрямик к дальнему лесу, смутно темневшему на стыке земли и неба.

Весь этот печальный ландшафт можно было рассмотреть через окна по правой стороне, замечательно чистые и зрячие, да только что на него смотреть? Ну снег, ну разбойничий свист ветра, ну мутное низкое небо – тьма, холод и смерть.

Зато внутри, в министерском салон-вагоне, было славно: уютный мрак, подсиненный голубым шелковым абажуром, потрескивание дров за бронзовой дверцей печки, ритмичное звяканье ложечки о стакан. Небольшой, но отлично оборудованный кабинет – со столом для совещаний, с кожаными креслами, с картой империи на стене – неся со скоростью пятьдесят верст в час сквозь пургу, нежить и ненастный зимний рассвет.

В одном из кресел, накрывшись до самого подбородка шотландским пледом, дремал старик с властным и мужественным лицом. Даже во сне седые брови были сурово сдвинуты, в углах жесткого рта залегла скорбная складка, морщинистые веки то и дело нервно подрагивали. Раскачивающийся круг света от лампы выхватил из полутьмы крепкую руку, лежавшую на подлокотнике красного дерева, сверкнул алмазным перстнем на безымянном пальце.

На столе, прямо под абажуром, лежала стопка газет. Сверху – нелегальная цюрихская «Воля народа», совсем свежая, позавчерашняя. На развернутой полосе статья, сердито отчеркнутая красным карандашом:

Палача прячут от возмездия

Редакции стало известно из самого верного источника, что генерал-адъютант Храпов, в минувший четверг отрешенный от должности товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов, в ближайшем времени будет назначен сибирским генерал-губернатором и немедленно отправится к новому месту службы.

Мотивы этого перемещения слишком понятны. Царь хочет спасти Храпова от народной мести, на время упрятав своего цепного пса подальше от столиц. Но приговор нашей партии, объявленный кровавому сатрапу, остается в силе. Отдав изуверский приказ подвергнуть порке политическую заключенную Полину Иванцову, Храпов поставил себя вне законов человечности. Он не может оставаться в живых. Палачу дважды удалось спастись от мстителей, но он все равно обречен.

Из того же источника нам стало известно, что Храпову уже обещан портфель министра внутренних дел. Назначение в Сибирь является временной мерой, призванной вывести Храпова из-под карающего меча народного гнева. Царские опричники рассчитывают открыть и уничтожить нашу Боевую Группу, которой поручено привести приговор над палачом в исполнение. Когда же опасность минует, Храпов триумфально вернется в Петербург и станет полновластным временщиком.

Этому не бывать! Загубленные жизни наших товарищей вызывают о возмездии.

Не вынесшая позора Иванцова удавилась в карцере. Ей было всего семнадцать лет.

Двадцатитрехлетняя курсистка Скокова стреляла в сатрапа, не попала и была повешена.

Наш товарищ из Боевой Группы, имя которого хранится в тайне, был убит осколком собственной бомбы, а Храпов опять уцелел.

Ничего, ваше высокопревосходительство, как веревочке ни виться, а конца не миновать. Наша Боевая Группа отыщет вас и в Сибири.

Приятного путешествия!

Паровоз заполошно взревел, сначала протяжно, потом короткими гудками: У-у-у!
У! У! У!

Губы спящего беспокойно дрогнули, с них сорвался глухой стон. Глаза раскрылись, недоуменно метнулись влево – на белые окна, вправо – на черные, и

взгляд прояснился, стал осмысленным, острым. Суровый старик откинул плед (под которым обнаружили бархатная курточка, белая сорочка, черный галстук), пожевал сухими губами и позвонил в колокольчик.

Через мгновение дверь, что вела из кабинета в приемную, открылась. Поправляя портупею, влетел молодцеватый подполковник в синем жандармском мундире с белыми аксельбантами.

– С добрым утром, ваше высокопревосходительство!

– Тверь проехали? – густым голосом спросил генерал, не ответив на приветствие.

– Так точно, Иван Федорович. К Клину подъезжаем.

– Как так к Клину? – засердился сидящий. – Уже? Почему раньше не разбудил? Проспал?

Офицер потер мятую щеку.

– Никак нет. Видел, что вы уснули. Думаю, пусть Иван Федорович хоть немножко поспят. Ничего, успеете и умыться, и одеться, и чаю попить. До Москвы еще полтора часа.

Поезд сбавил ход, готовясь тормозить. За окнами замелькали огни, стали видны редкие фонари, заснеженные крыши.

Генерал зевнул.

– Ладно, пусть поставят самовар. Что-то не проснусь никак.

Жандарм откозырял и вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

В приемной горел яркий свет, пахло ликером и сигарным дымом. Подле письменного стола, подперев голову, сидел еще один офицер – белобрысый, розоволицый, со светлыми бровями и пороссячьими ресницами. Он потянулся, хрустнул суставами, спросил у подполковника:

– Ну, что там?

– Чаю хочет. Я распоряжусь.

– А-а, – протянул альбинос и глянул в окно. – Это что, Клинт? Садись, Мишель. Я скажу про самовар. Выйду, ноги разомну. Заодно проверю, не дрыхнут ли, черти.

Он встал, одернул мундир и, позванивая шпорами, вышел в третью комнату чудо-вагона. Тут уж все было совсем просто: стулья вдоль стен, вешалки для верхней одежды, в углу столик с посудой и самоваром. Двое крепких мужчин в одинаковых камлотовых тройках и с одинаково подкрученными усами (только у одного песочными, а у второго рыжими) неподвижно сидели друг напротив друга. Еще двое спали на сдвинутых стульях.

Те, что сидели, при появлении белобрысого вскочили, но офицер приложил палец к губам – пусть, мол, спят – показал на самовар и шепотом сказал:

– Чаю его высокопревосходительству. Уф, душно. Выйду воздуха глотну.

В тамбуре вытянулись в струнку двое жандармов с карабинами. Тамбур не протапливался, и часовые были в шинелях, шапках, башлыках.

– Скоро сменяетесь? – спросил офицер, натягивая белые перчатки и вглядываясь в медленно наплывающий перрон.

– Только заступили, ваше благородие! – гаркнул старший по караулу. – Теперь до самой Москвы.

– Ну-ну.

Альбинос толкнул тяжелую дверь, и в вагон дунуло свежим ветром, мокрым снегом, мазутом.

– Восемь часов, а едва засерело, – вздохнул офицер, ни к кому не обращаясь, и спустился на ступеньку.

Поезд еще не остановился, еще скрипел и скрежетал тормозами, а по платформе к салон-вагону уже спешили двое: один низенький, с фонарем, второй высокий, узкий, в цилиндре и широком щегольском макинтоше с пелериной.

– Вот он, специальный! – крикнул первый (судя по фуражке, станционный смотритель), оборотясь к спутнику.

Тот остановился перед открытой дверью и спросил офицера, придерживая рукой цилиндр:

– Вы Модзалевский? Адъютант его в-высокопревосходительства?

В отличие от железнодорожника заика не кричал, однако его спокойный, звучный голос без труда заглушил вой пурги.

– Нет, я начальник охраны, – ответил белобрысый, пытаюсь разглядеть лицо франта.

Лицо было примечательное: тонкое, строгое, с аккуратными черными усиками, на лбу решительная вертикальная складка.

– Ага, штабс-ротмистр фон З-Зейдлиц, отлично, – удовлетворенно кивнул незнакомец, впрочем тут же представившийся. – Фандорин, чиновник особых поручений при его сиятельстве м-московском генерал-губернаторе. Полагаю, вам обо мне известно.

– Да, господин статский советник, мы получили шифровку, что в Москве за безопасность Ивана Федоровича будете отвечать вы, но я полагал, что вы встретите нас на вокзале. Поднимайтесь, поднимайтесь, а то в тамбур замедает.

Статский советник на прощанье кивнул смотрителю, легко взбежал по крутым ступенькам и захлопнул за собой дверь. Сразу стало тихо и гулко.

– Вы уже на т-территории Московской г-губернии, – объяснил чиновник, сняв цилиндр и стряхивая снег с тульи. При этом обнаружилось, что волосы у него черные, а виски, несмотря на молодость, совершенно седые. – Тут начинается

моя, т-так сказать, юрисдикция. Мы простоим в К-Клину по меньшей мере часа два – впереди расчищают занос. Успеем обо в-всем договориться и распределить обязанности. Но с-сначала мне нужно к его высокопревосходительству, п-представиться и передать с-срочное сообщение. Где можно раздеться?

– Пожалуйста в караульную, там вешалка.

Фон Зейдлиц провел чиновника сначала в первую комнату, где дежурили охранники в цивильном, а после того, как Фандорин снял макинтош и бросил на стул подмокший цилиндр, и во вторую.

– Мишель, это статский советник Фандорин, – объяснил начальник охраны подполковнику. – Тот самый. Со срочным сообщением для Ивана Федоровича.

Мишель встал.

– Адъютант его высокопревосходительства Модзалевский. Могу ли я взглянуть на ваши документы?

– Р-разумеется. – Чиновник достал из кармана сложенную бумагу, протянул адъютанту.

– Это Фандорин, – подтвердил начальник охраны. – В шифровке был словесный портрет, я отлично запомнил.

Модзалевский внимательно рассмотрел печать и фотографию, вернул бумагу владельцу.

– Хорошо, господин статский советник. Сейчас доложу.

Минуту спустя чиновник был допущен в царство мягких ковров, голубого света и красного дерева. Он вошел, молча поклонился.

– Здравствуйте, господин Фандорин, – добродушно пророкотал генерал, успевший сменить бархатную курточку на военный сюртук. – Эраст Петрович, не так ли?

– Т-так точно, ваше высокопревосходительство.

– Решили встретить подопечного на дальних подступах? Хвалю за усердие, хоть и считаю всю эту суету совершенно излишней. Во-первых, мой выезд из Санкт-Петербурга был тайным, во-вторых, господ революционеров я нисколько не опасаюсь, а в-третьих, на все воля Божья. Раз до сих пор уберег Господь Храпова, стало быть, еще нужен Ему старый вояка. – И генерал, который, выходит, и был тот самый Храпов, набожно перекрестился.

– У меня д-для вашего высокопревосходительства сверхсрочное и с-совершенно к-конфиденциальное сообщение, – бесстрастно произнес статский советник, взглянув на адъютанта. – Извините, п-подполковник, но такова п-полученная мною инструкция.

– Ступай, Миша, – ласково велел сибирский генерал-губернатор, названный в заграничной газете палачом и сатрапом. – Самовар-то готов? Как с делом покончим, позову – чайку попьем. – А когда за адъютантом закрылась дверь, спросил. – Ну, что там у вас за тайны? Телеграмма от государя? Давайте.

Чиновник приблизился к сидящему вплотную, сунул руку во внутренний карман касторового пиджака, но тут его взгляд упал на запрещенную газету с отчерченной красным статьей. Генерал перехватил взгляд статского советника, насупился.

– Не оставляют господу нигилисты Храпова своим вниманием. Нашли «палача»! Вы ведь, Эраст Петрович, тоже, поди, всякой ерунды про меня наслушались? Не верьте, врут злые языки, всё шиворот-навыворот перекручивают! Не секли ее в моем присутствии до полусмерти звери-тюремщики, клевета это! – Было видно, что злополучная история с повесившейся Иванцовой попортила его высокопревосходительству немало крови и до сих пор не дает ему покоя. – Я честный солдат, у меня два «Георгия» – за Севастополь и за вторую Плевну! – горячась, воскликнул он. – Я ведь девчонку, дуру эту, от каторги уберечь хотел! Ну, сказал ей на «ты», эка важность. Я же по-отечески! У меня внучка ее возраста! А она мне, старому человеку, генерал-адъютанту, пощечину – при охране, при заключенных! За это мерзавке по закону десять лет каторги следовало! А я велел только посечь и хода делу не давать. Не до полусмерти пороть, как после в газетках писали, а вlepить десяток горячих, вполсилы! И не тюремщики секли, а надзирательница. Кто ж знал, что эта полоумная Иванцова руки на себя наложит? Ведь не дворянских кровей, мещаночка обыкновенная, а

такие нежности! – Генерал сердито махнул. – Теперь век не отмоешься. После другая такая же дура в меня стреляла. Я писал его величеству, чтоб не вешали ее, но государь был непреклонен. Собственноручно на прошении начертал: «Кто на моих верных слуг меч поднимает, тому никакой пощады». – Храпов растроганно заморгал, в глазах блеснула стариковская слеза. – Устроили травлю, будто на волка. А ведь я как лучше хотел... Не понимаю, хоть режьте, не понимаю!

Генерал-губернатор сокрушенно развел руками, а брюнет с седыми висками внезапно сказал на это, причем безо всякого заикания:

– Где вам понять, что такое честь и человеческое достоинство. Ничего, вы не поймете, так другим псам урок будет.

Иван Федорович разинул рот и хотел приподняться из кресла, но удивительный чиновник уже достал из-под пиджака руку, и в руке этой была никакая не телеграмма, а короткий кинжал. Кинжал вонзился генералу прямо в сердце, и брови у Храпова поползли вверх, рот открылся, но не произнес ни звука. Пальцами генерал схватил статского советника за руку, причем снова блеснул давешний алмаз. А потом голова генерал-губернатора безжизненно откинулась назад, и по подбородку заструилась ленточка алой крови.

Убийца брезгливо расцепил на своем запястье пальцы мертвеца, нервным движением сорвал приклеенные усики, потер седые виски, и они стали такими же черными, как остальные волосы.

Оглянувшись на закрытую дверь, решительный человек подошел к одному из слепых окон, выходящих на пути, и потянул ручку, но рама примерзла насмерть и не поддавалась. Это, однако, ничуть не смутило странного статского советника. Он взялся за скобу обеими руками, навалился. На лбу вздулись жилы, скрежетнули стиснутые зубы и – вот чудо – рама заскрипела, поехала вниз. Прямо в лицо силачу хлестнуло снежной трухой, обрадованно заполоскались занавески. Одно ловкое движение – и убийца перекинулся через окоем, растворился в сереющих сумерках.

Кабинет преображался прямо на глазах: ветер, не веря своему счастью, принялся гонять по ковру важные бумаги, теребить бахрому скатерти, трепать седые волосы на голове генерала.

Голубой абажур порывисто закачался, световое пятно заерзло по груди убитого, и стало видно, что на костяной рукоятке основательно, до упора всаженного кинжала вырезаны две буквы: БГ.

Глава первая,

в которой Фандорин попадает под арест

День не задался с самого начала. Эраст Петрович Фандорин поднялся ни свет ни заря, потому что в половине девятого ему надлежало быть на Николаевском вокзале. Прodelал вдвоем с японцем-камердинером всегдашнюю обстоятельную гимнастику, выпил зеленого чаю и уже брился, одновременно производя дыхательные упражнения, когда зазвонил телефон. Оказалось, что статский советник проснулся в такую рань напрасно: курьерский поезд из Санкт-Петербурга ожидается с двухчасовым опозданием по причине снежных заносов на железной дороге.

Поскольку все необходимые распоряжения по обеспечению безопасности столичного гостя были отданы еще накануне, Эраст Петрович не сразу придумал, чем занять нежданный досуг. Хотел было выехать на вокзал пораньше, но не стал. К чему зря нервировать подчиненных? Можно не сомневаться, что полковник Сверчинский, исправлявший должность начальника Губернского жандармского управления, в точности выполнил полученные указания: первая платформа, куда прибудет курьерский, оцеплена агентами в штатском, прямо у перрона дожидается блиндированная карета, и конвой отобран самым тщательным образом. Пожалуй, вполне достаточно будет приехать на вокзал за четверть часа – и то больше для порядка, нежели с намерением обнаружить упущения.

Задание от его сиятельства князя Владимира Андреевича получено ответственное, но нетрудное. Встретить важную персону, сопроводить к князю на завтрак, после – в тщательно охраняемую резиденцию на Воробьевых горах для отдыха, а вечером отвезти новоиспеченного сибирского генерал-губернатора к челябинскому поезду, к которому уже будет прицеплен министерский вагон. Вот, собственно, и всё.

Единственный трудный вопрос, терзавший Эраста Петровича со вчерашнего дня, заключался в следующем: подавать ли руку генерал-адъютанту Храпову, запятнавшему себя подлым или, по меньшей мере, непростительно глупым поступком?

С точки зрения службы и карьеры, конечно, следовало пренебречь чувствами, тем более что знающие люди прочили бывшему командиру жандармов скорое возвращение к вершинам власти. Однако Фандорин решил не уклоняться от рукопожатия по совсем иной причине – гость есть гость, и оскорблять его невозможно. Достаточно будет держаться холодного, подчеркнуто официального тона.

Решение было правильным и даже неоспоримым, но все же у статского советника, что называется, на душе скребли кошки. А ну как все-таки сыграли роль карьерные соображения?

Вот почему внезапная отсрочка Эраста Петровича ничуть не расстроила – появилось дополнительное время, чтобы разрешить сложную моральную дилемму.

Фандорин велел камердинеру Маса заварить крепкого кофе, уселся в кресло и стал снова взвешивать все «за» и «против», непроизвольно то сжимая, то разжимая правую кисть.

Но долго размышлять не пришлось, потому что опять раздался звонок, на сей раз дверной. Из прихожей донеслись голоса – сначала тихие, потом громкие. Кто-то рвался войти в кабинет, а Маса не пускал и издавал шипяще-свистящие звуки, свидетельствовавшие о непреклонности и воинственном расположении духа бывшего японского подданного.

– Маса, кто там? – крикнул Эраст Петрович и вышел из кабинета в гостиную.

Там он увидел неожиданных гостей – жандармского подполковника Бурляева, начальника Московского охранного отделения, и с ним двух господ в клетчатых пальто, по виду филеров. Маса, растопырив руки, преграждал троиче путь и явно намеревался в самом скором времени перейти от слов к действиям.

– Пардон, господин Фандорин, – смущенно пробасил Бурляев, снимая шапку и проводя рукой по жесткому бобрику волос цвета соли с перцем. – Тут какое-то недоразумение, но у меня телеграмма из Департамента полиции. – Он взмахнул листком бумаги. – Сообщают, что убит генерал-адъютант Храпов, что... э-э-э... убили его вы... и что вас должно немедленно взять под стражу. Совсем с ума посходили, но приказ есть приказ... Вы уж утихомирьте своего японца, а то я наслышан, как бойко он ногами дерется.

В первый момент Эраст Петрович испытал абсурдное облегчение при мысли о том, что проблема с рукопожатием снялась сама собой, и лишь затем на него обрушился весь кошмарный смысл сказанного.

* * *

Подозрение с Фандорина снялось лишь после того, как прибыл запоздавший курьерский. Из министерского вагона, не дожидаясь остановки поезда, на перрон спрыгнул светловолосый жандармский штабс-ротмистр с перекошенным лицом и, сыпя страшными проклятьями, кинулся туда, где в окружении филеров стоял арестованный статский советник. Однако, не добежав нескольких шагов, штабс-ротмистр перешел на шаг, а затем и вовсе остановился. Захлопал белесыми ресницами, ударил себя кулаком по бедру.

– Это не он! Похож, но не он! Да не очень-то и похож! Только усики, и виски седые, а более никакого сходства! – ошеломленно пробормотал офицер. – Кого вы привели? Где Фандорин?

– Уверяю вас, г-господин фон Зейдлиц, что я и есть Фандорин, – с преувеличенной кротостью, словно обращаясь к душевнобольному, сказал статский советник и обернулся к Бурляеву, залившемуся багровой краской. – Петр Иванович, скажите вашим людям, что меня можно б-больше не держать за локти. Штабс-ротмистр, где подполковник Модзалевский и ваши люди из охраны? Я должен всех допросить и записать показания.

– Допросить? Записать показания?! – сипло крикнул Зейдлиц, вздев к небу сжатые кулаки. – Какие к черту показания! Вы что, не понимаете? Он убит, убит! Боже, всему конец, всему! Надо бежать, надо поставить на ноги жандармерию, полицию! Если я не найду этого ряженого, этого мерзавца, этого... – Он захлебнулся и судорожно икнул. – Но я найду, непременно найду! Я оправдаюсь!

Я землю, небо переверну! Иначе остается только пулю в лоб!

– Хорошо, – все так же мирно произнес Эраст Петрович. – Пожалуй, штабс-ротмистра я допрошу попозже, когда он придет в себя. А сейчас начнем с остальных. Пусть нам освободят кабинет начальника вокзала. Господ Сверчинского и Бурляева прошу присутствовать при дознании. Затем я отправлюсь с докладом к его сиятельству.

– Ваше высокородие, а как быть с покойником? – робко спросил державшийся на почтительном отдалении начальник поезда. – Такая важная особа... Куда его?

– Как куда? – удивился статский советник. – Сейчас прибудет т-труповозка, и в морг, на вскрытие.

* * *

– ...после чего адъютант Модзалевский, первым пришедший в себя, побежал на станцию Клин-пассажирская и отбил шифрованную телеграмму в Департамент п-полиции. – Пространный рапорт Фандорина приближался к концу. – Цилиндр, макинтош и кинжал отданы на исследование в лабораторию. Храпов в морге. Зейдлицу сделан успокаивающий укол.

В комнате стало тихо, только тикали часы, да подрагивали стекла под напором буйного февральского ветра. Генерал-губернатор древней столицы, князь Владимир Андреевич Долгорукой, сосредоточенно пожевал морщинистыми губами, подергал себя за длинный крашеный ус и почесал за ухом, отчего каштановый паричок слегка съехал на сторону. Нечасто доводилось Эрасту Петровичу видеть полновластного хозяина первопрестольной в такой потерянности.

– А уж этого мне питерская камарилья нипочем не простит, – тоскливо сказал его сиятельство. – Не посмотрят, что Храпов этот чертов, царствие ему небесное, и до Москвы-то не доехал. Клин ведь тоже московская губерния... Как, Эраст Петрович, ведь, пожалуй, что конец?

Статский советник только вздохнул в ответ.

Тогда князь обернулся к ливрейному, стоявшему у дверей с серебряным подносом в руках. На подносе были какие-то склянки, пузырьки и вазочка с эвкалиптовыми лепешечками от кашля. Звали слугу Фролом Григорьевичем Ведищевым, занимал он скромную должность камердинера, но не было у князя советника преданней и многоопытней, чем этот высохший старик с лысым черепом, в преогромных бакенбардах и золотых очках с толстыми стеклами.

А больше в просторном кабинете никого не было – только эти трое.

– Что, Фролушка, – дрогнув голосом, спросил Долгорукой, – на свалку пора? Да без почета, без милости. Со скандалом...

– Владим Андреич, – плачущим голосом сказал камердинер. – Да ляд с ней, с государевой службой. Уж, слава Богу, послужили, ведь на девятый десяток пошло... Не рвите вы себе душу. Ну, царь не пожалует, так москвичи добрым словом помянут. Шутка ли, двадцать пять годочков об них заботились, ночей недосыпали. Поедем в Ниццу, к солнышку. Будем сидеть на крылечке, прежние времена вспоминать, чего еще в наши-то годы...

Князь грустно улыбнулся:

– Не сумею я, Фрол, сам знаешь. Умру без службы, в полгода зачахну. Я потому и бодр пока, что Москва меня держит. И ладно бы хоть за дело, а то ведь ни за что погонят. В городе-то у меня все в полном порядке. Обидно...

У Ведищева в руках задрезжал поднос, по щекам обильно заструились слезы.

– Бог милостив, батюшка, может, пронесет. Чего только не было, а ведь выручал Господь. Эраст Петрович нам отыщет злодея, что генерала зарезал, государь и оттает.

– Не отта-ает, – уныло протянул Долгорукой. – Тут вопрос государственной безопасности. Когда власти страшно, она никого не жалеет. Надо на всех страху нагнать, и особенно на своих. Чтоб в оба смотрели и чтоб ее, власти, больше, чем убийц боялись. Моя территория, мне и отвечать. Об одном только Бога молю: сыскать бы преступника побыстрее, своими силами. Хоть уйду без срама. Красиво служил и красиво закончу. – Он с надеждой посмотрел на чиновника особых поручений. – Как, Эраст Петрович, сумеете эту самую «БЭГЭ» отыскать?

Фандорин помедлил с ответом и заговорил тихо, неуверенно:

– Владимир Андреевич, вы меня знаете, я п-пустых обещаний давать не люблю. У нас ведь даже нет уверенности, что убийца после совершенного им злодеяния отправился в Москву, а не в Петербург... В конце концов, действия Боевой Группы направляются именно из Петербурга.

– Да-да, верно, – грустно покивал князь. – Что ж это я, в самом деле. Супостатов этих весь Жандармский корпус вкупе с Департаментом полиции выловить не могут, а я к вам. Россия большая, злодей мог куда угодно податься... Уж простите сердечно. Знаете, как тонуть начнешь, то и за соломинку ухватишься. Опять же выручали вы меня неоднократно из самых аховых положений...

Статский советник откашлялся, несколько покоробленный сравнением с соломинкой, и произнес загадочным тоном:

– И все же...

– Что «все же»? – встрепнулся Ведищев, отставил поднос, быстренько вытер большущим платком заплаканное лицо, подсеменил к чиновнику поближе. – Или есть зацепка какая?

– И все же попытаться можно, – задумчиво проговорил Фандорин. – Даже должно. Я, собственно, и сам собирался просить ваше высокопревосходительство о п-предоставлении мне соответствующих полномочий. Убийца воспользовался моим именем и тем самым бросил мне вызов. Я не говорю уж о тех к-крайне неприятных минутах, которые мне по его милости довелось провести сегодня утром. К тому же я все-таки полагаю, что преступник из Клина направился именно в Москву. Сюда от места убийства всего час езды на поезде, мы и хватиться бы не успели. А в обратную сторону, до Петербурга, девять часов, то есть он и сейчас еще находился бы в пути. Между тем с одиннадцати часов объявлен розыск, все станции перекрыты, железнодорожная жандармерия проверяет пассажиров на всех поездах в радиусе трехсот верст. Нет, не мог он в Петербург податься.

– А может, он вовсе железкой не поехал? – усомнился камердинер. – Сел себе на лошадку и потрюхал в какой-нибудь Замухранск – отсидеться, пока шум не

поутихнет?

– Замухранск для того, чтоб отсидеться, никак не п-подходит. Там каждый человек на виду. Спрятаться проще всего в большом городе, где никто никого не знает, да и революционно-конспиративная сеть наличествует.

Генерал-губернатор испытующе взглянул на Эраста Петровича и щелкнул крышечкой табакерки, что свидетельствовало о переходе от отчаяния к глубокой задумчивости.

Чиновник подождал, пока Долгорукой зарядит ноздрю и громогласно отчихается. Когда Ведищев тем же самым платком, которым только что вытирал слезы, промокнул своему сюзерену глаза и нос, князь спросил:

– А как искать станете, если он и здесь, в Москве? Ведь мильонный город. Я даже полицию с жандармерией вам подчинить не могу, разве что обязать к содействию. Сами знаете, голубчик, что мое прошение о назначении вас обер-полицеймейстером третий месяц в высших инстанциях плутает. Вы же видите, какой у нас по полицейской части Вавилон сделался.

Под Вавилоном его сиятельство имел в виду хаотическое положение, образовавшееся во второй столице после того, как был отставлен последний обер-полицеймейстер, слишком буквально трактовавший смысл понятия «неподотчетные секретные фонды». В Петербурге шла затяжная бумажная канитель: враждебная князю придворная партия никак не желала отдавать ключевую должность долгоруковскому выкормышу, но и навязать генерал-губернатору своего ставленника у недоброжелателей тоже сил не хватало. А тем временем жил огромный город без главного защитника и законоблюстителя. Обер-полицеймейстеру предписано возглавлять и объединять действия и городской полиции, и Губернского жандармского управления и Охранного отделения, теперь же выходил форменный табор: подполковник Бурляев из Охранного и полковник Сверчинский из Жандармского писали друг на друга кляузы, и оба дружно жаловались на наглую обструкцию со стороны зарвавшихся полицейских приставов.

– Да, ситуация для произведения согласованных действий неблагоприятна, – признал Фандорин, – но в д-данном случае разобщенность розыскных органов, пожалуй, даже кстати...

Гладкий лоб статского советника наморщился, рука как бы сама собой потянула из кармана нефритовые четки, помогавшие Эрасту Петровичу сконцентрировать мысль. Долгорукой и Ведищев, привычные к фандоринским повадкам, слушали, затаив дыхание, и выражение лиц у обоих стариков сделалось одинаковое, словно у детей в цирке, которые точно знают, что цилиндр фокусника пуст, и все же не сомневаются – сейчас ловкач вынет оттуда зайчика или голубку.

И чиновник вынул:

– Позвольте спросить, отчего преступнику столь блестяще удался его план? – начал Эраст Петрович и сделал паузу, будто и в самом деле ждал ответа. – Очень просто: он был в доскональности осведомлен о том, что полагалось знать весьма немногим. Это раз. Меры по обеспечению безопасности генерал-адъютанта Храпова при пересечении Московской г-губернии были разработаны не далее как позавчера при участии весьма ограниченного круга лиц. Это два. Кто-то из них, посвященный в мельчайшие подробности плана, выдал наш план революционерам – сознательно или бессознательно. Это три. Достаточно найти этого человека, и через него мы выйдем на Боевую Группу и самого исполнителя.

– Как это «бессознательно»? – прищурившись, спросил генерал-губернатор. – Ну, сознательно – понятно. И на государственной службе оборотни есть. Кто за деньги нигилистам тайны выдает, кто по бесовскому наущению. А бессознательно – это без сознания что ли? Спяну?

– Скорее по неосторожности, – ответил Фандорин. – Чаще всего б-бывает так: должностное лицо проболтается кому-то из близких, кто связан с террористами. Сын, дочь, любовница. Но это удлинит нашу цепочку всего на одно звено.

– Так. – Князь снова полез за понюшкой. – Позавчера в секретном совещании по поводу приезда Ивана Федоровича (земля ему, грешнику, пухом), кроме меня и вас участвовали только Сверчинский и Бурляев. Даже полицию не привлекли – согласно указаниям из Петербурга. Так что ж, надо начальников Жандармского управления и Охранного отделения подозревать? Чудно что-то. А...а...а-пчи!

– Дай Бог здоровьица, – вставил Ведищев и снова сунулся вытирать его сиятельству нос.

– И их тоже, – решительно заявил Эраст Петрович. – Кроме того, следует выяснить, кто еще из чинов Жандармского и Охранки был посвящен в д-детали. Полагаю, это от силы три-четыре человека, никак не больше.

Фрол Григорьевич ахнул:

– Ос-поди, да ведь вам это плюнуть и растереть! Владим Андреич, право слово, погодите убиваться! Если уж службе конец, то по всей форме уйдете, красиво. Под белы рученьки проводят, а не пинком под зад! Эраст Петрович нам враз иуду этого высчитает. Скажет: «Это раз, это два, это три» – и готово.

– Не так все просто, – покачал головой статский советник. – Да, Жандармское управление – первая возможность утечки. Охранное отделение – вторая. Но есть, увы, и т-третья, расследовать которую я не смогу. Согласованный нами план мер по охране Храпова был отправлен шифрограммой на утверждение в Петербург. Там излагались данные и обо мне как о лице, ответственном за безопасность гостя, – с выпиской из служебного формуляра, словесным портретом, агентурным описанием и прочим. Одним словом, всё как полагается в подобных случаях. Зейдлиц потому и не усомнился в лже-Фандорине, что был доскональнейшим образом оповещен о моих приметах и даже моем з-заикании... Если источник утечки находится в Петербурге, я вряд ли смогу что-либо сделать. Как говорится, руки коротки... И все-таки два шанса из трех, что ниточка тянется из Москвы. Да и убийца, вероятнее всего, прячется где-то здесь. Будем искать.

* * *

Из генерал-губернаторского дома чиновник особых поручений прямым отправился в Жандармское управление, на Малую Никитскую. Пока ехал в княжьем, обитом синим бархатом возке, размышлял, как вести себя с полковником Сверчинским. Конечно, гипотеза о том, что Станислав Филиппович, многолетний конфидент князя и Ведищева, связан с революционерами, требовала известной живости воображения, но воображением Бог статского советника не обделил, к тому же за богатую приключениями жизнь ему случалось сталкиваться с сюрпризами и позамысловатей.

Итак, что можно было сказать о полковнике Отдельного корпуса жандармов Станиславе Сверчинском?

Скрытен, хитроумен, честолюбив, но в то же время очень осторожен, предпочитает держаться в тени. Аккуратный службист. Умеет ждать своего часа и на сей раз, кажется, дождался: пока лишь исправляет должность начальника управления, однако по всей вероятности будет в этом качестве утвержден, и тогда перед ним откроются самые аппетитные карьерные перспективы. Правда, и в Москве, и в Петербурге известно, что Сверчинский – человек Володи Красно Солнышко. Если Владимир Андреевич отправится из древнепрестольной на свалку, в Ниццу, полковника могут в завидной должности и вовсе не утвердить. Получалось, что смерть генерала Храпова для карьеры Станислава Филипповича – событие огорчительное и, возможно, даже фатальное. Во всяком случае, так представлялось на первый взгляд.

Ехать с Тверской до Малой Никитской было всего ничего, и, если б не ветер с косым снегом, Фандорин предпочел бы пройтись пешком – на ходу лучше думается. Вот и поворот с бульвара. Возок проехал мимо чугунной решетки дома барона Эверт-Колокольцева, где во флигеле квартировал Эраст Петрович, а еще через двести шагов из вьюжной пелены вынырнул и знакомый желто-белый особняк с полосатой будкой у подъезда.

Фандорин вылез наружу, придержал рванувшийся улететь цилиндр и взбежал по скользким ступеням. В вестибюле статскому советнику лихо отковырял знакомый вахмистр и, не дожидаясь вопроса, доложил:

– У себя. Ждут. Позвольте, ваше высококородие, шубу и головной убор. Отнесу в гардеробную.

Рассеянно поблагодарив, Эраст Петрович оглядел знакомый интерьер так, будто видел его впервые.

Коридор с чередой одинаковых клеенчатых дверей, скучные голубые стены с казенным белым бордюром, в дальнем конце – гимнастический зал. Возможно ли, чтобы в этих стенах таилась государственная измена?

В приемной дежурил адъютант управления поручик Смольянинов, румяный молодой человек с живыми черными глазами и лихо подкрученными усиками.

– Здравия желаю, Эраст Петрович, – весело приветствовал он привычного посетителя. – Какова погода, а?

– Да-да, – покивал чиновник. – Я пройду?

И запросто, на правах старого сослуживца, а в скором будущем, возможно, и непосредственного начальника, вошел в кабинет.

– Ну что там в высших сферах? – поднялся ему навстречу Сверчинский. – Что Владимир Андреевич? Как действовать, что предпринимать? Просто места себе не нахожу. – И, понизив голос до страшного шепота. – Что думаете, снимут его?

– А это до некоторой степени б-будет зависеть от нас с вами.

Фандорин опустился в кресло, полковник сел напротив, и разговор сразу повернул в деловое русло.

– Станислав Филиппович, буду с вами откровенен. Среди нас – или здесь, в Жандармском, или в Охранном – есть п-предатель.

– Предатель? – Полковник так потрянул головой, что нанес некоторый ущерб идеальному пробору, делившему гладко зализанную прическу на две симметричные половины. – У нас?!

– Да, предатель или б-болтун, что в данном случае одно и то же.

И чиновник изложил собеседнику свои умозаключения.

Сверчинский слушал, взволнованно крутя ус, а дослушав, приложил руку к сердцу и проникновенно сказал:

– Совершенно с вами согласен! Убедительнейшие и справедливейшие суждения. Но мое управление от подозрения прошу освободить. Наша задача в связи с приходом генерала Храпова была самая простая: обеспечение мундирного конвоя. Я и мер никаких особенных не принимал – просто велел подготовить конный полувзвод, и дело с концом. И уверяю вас, почтеннейший Эраст Петрович, что из всего управления в подробности были посвящены только двое:

я и поручик Смольянинов. Ему как адъютанту я должен был все объяснить. Но вы ведь его знаете, он юноша ответственный, смысленный и самого благородного образа мыслей, такой не подведет. Да и я, смею надеяться, известен вам как человек неболтливый.

Эраст Петрович дипломатично наклонил голову:

– Именно поэтому я первым делом отправился к вам и ничего от вас не утаиваю.

– Уверяю вас, это или питерские, или Гнездниковские! – расширил красивые бархатные глаза полковник, под «Гнездниковскими» имея в виду Охранное отделение, расположенное в Большом Гнездниковском переулке. – Про питерских ничего сказать не могу, не располагаю достаточной полнотой сведений, а вот у подполковника Бурляева в помощниках швали довольно – и бывшие нигилисты, и всякие темные личности. Там бы и пощупать. Я, конечно, не смею обвинять самого Петра Ивановича, упаси Боже, но за негласное обеспечение безопасности отвечала его филерская служба, а значит, был какой-никакой инструктаж, разъяснение – перед изрядной группой весьма сомнительных субъектов. Неосмотрительно. И еще одно... – Сверчинский замялся, словно не зная, стоит ли продолжать.

– Что? – спросил Фандорин, глядя ему прямо в глаза. – Возможна еще какая-то версия, которую я упустил? Говорите, Станислав Филиппович, говорите. Мы с вами начистоту.

– Есть ведь еще тайные агенты, которых в нашем ведомстве называют «сотрудниками». То есть те члены революционных кружков, которые идут на сотрудничество с полицией.

– Agents provocateurs[1 - Агенты-provokatory (фр.)]? – поморщился статский советник.

– Ну, не обязательно provokatory. Иногда просто информанты. Без них в нашей работе никак невозможно.

– Откуда вашим шпионам знать подробности встречи секретного гостя, да еще вплоть до описания моей в-внешности? – сдвинул черные стрелки бровей Эраст

Петрович. – Что-то не пойму.

Полковник был в явном затруднении. Он слегка покраснел, закрутил ус еще круче и доверительно понизил голос:

– Агенты бывают разные. И отношения у уполномоченных офицеров с ними тоже складываются по-разному. Иногда на основе совершенно частных... м-м-м... я бы даже сказал, интимных контактов. Ну, вы понимаете.

– Нет, – вздрогнул Фандорин, глядя на собеседника с некоторым испугом. – Не понимаю и не желаю понимать. Вы хотите сказать, что служащие жандармерии и Охранного отделения ради интересов дела вступают с агентами в м-мужеложеские отношения?

– Ах, ну почему же обязательно мужеложеские! – всплеснул руками Сверчинский. – Среди «сотрудников» достаточное количество женщин, причем как правило молодых и весьма недурных собой. Вы ведь знаете, как свободно нынешняя революционная и околореволюционная молодежь смотрит на вопросы пола.

– Да-да, – несколько сконфузился статский советник. – Приходилось слышать. Я и в самом деле не очень ясно представляю себе деятельность т-тайной полиции. Как-то до сих пор не приходилось заниматься революционерами, все больше убийцами, мошенниками и иностранными шпионами. Однако, Станислав Филиппович, вы явно подводите меня к кому-то из офицеров Охранки. К кому? Кто из них, по-вашему, имеет подозрительные связи?

Полковник еще с полминуты изображал всей физиономией нравственные терзания, потом, словно решившись, зашептал:

– Эраст Петрович, дорогой, тут, конечно, дело отчасти приватное, но, зная вас как человека исключительной щепетильности и широких взглядов, не считаю себя в праве утаивать, тем более что дело особенной важности, пред которым блекнут все частные соображения, каковы... – Тут, несколько запутавшись в грамматике, Сверчинский сбился и заговорил проще. – Я располагаю сведениями, что подполковник Бурляев поддерживает знакомство с некоей Дианой – это, разумеется, агентурная кличка. Очень таинственная особа, сотрудничающая с властями бескорыстно, из идейных соображений, и потому

ставящая собственные условия. Например, мы не знаем ни ее настоящего имени, ни места проживания – лишь адрес конспиративной квартиры, которую Департамент для нее снимает. Судя по всему, это барышня или дама из очень хорошей семьи. Имеет широчайшие и полезнейшие знакомства в революционных кругах Москвы и Санкт-Петербурга, оказывает полиции поистине неоценимые услуги...

– Она любовница Бурляева, и он мог ей проговориться? – нетерпеливо перебил Сверчинского чиновник. – Вы на это намекаете?

Станислав Филиппович расстегнул тугий ворот, придвинулся ближе.

– Я... я не уверен, что она его любовница, но допускаю. Очень даже допускаю. А если так, то Бурляев вполне мог наболтать ей лишнего. Понимаете, двойные агенты, да еще такого склада, мало предсказуемы. Сегодня сотрудничают с нами, а завтра дают задний ход...

– Хорошо, учту.

Эраст Петрович о чем-то задумался и вдруг сменил тему:

– Я полагаю, Фрол Григорьевич п-протелефонировал вам, чтобы вы оказывали мне всемерное содействие.

Сверчинский приложил руку к груди – мол, всем, чем только смогу.

– Тогда вот что. Для расследования мне понадобится толковый п-помощник, он же офицер связи. Не одолжите мне вашего Смольянинова?

* * *

Вроде бы недолго пробыл статский советник в желто-белом особняке, не более получаса, а когда снова вышел на улицу, город было не узнать. Ветру надоело гонять белую труху по кривым улицам, снег улегся на крыши и мостовые рыхлыми грудками, небо же, которого совсем недавно будто бы и вовсе не было, волшебным образом прояснилось. Оказалось, что оно вовсе не низкое и крупитчатое, а напротив, очень высокое, радостно-синее и, как положено,

увенчанное маленьким, но блестящим, как империял, золотым кружком. Над домами откуда ни возьмись повылезали елочные шары куполов, заиграл радужными брызгами новорожденный снег, и Москва проделала свой любимый фокус – обратилась из лягушки такой царевной, что вдохнуть вдохнешь, а выдохнуть позабудешь.

Эраст Петрович посмотрел вокруг, да и остановился, несколько даже ослепнув от сияния.

– Красота какая! – воскликнул поручик Смольянинов, но застыдился чрезмерной восторженности и счел нужным снисходительно добавить. – Экие, право, метаморфозы... Мы сейчас куда, господин статский советник?

– В Охранное отделение. Погода и в самом деле славная. Д-давайте пройдемся.

Фандорин отпустил возок обратно в генерал-губернаторову конюшню, и пять минут спустя чиновник особых поручений и его румяный спутник шагали по Тверскому бульвару, где уже вовсю прогуливалась ошалевшая от неожиданной природной амнистии публика, хотя дворники еще только начали расчищать аллеи от снега.

Эраст Петрович то и дело ловил на себе взгляды – то испуганные, то сочувственные, то просто любопытствующие, и не сразу понял, в чем дело. Ах да, ведь сбоку и чуть сзади вышагивает молодец в синей жандармской шинели, при кобуре и шашке. Со стороны можно подумать, что приличного на вид господина в меховом плаще и замшевом цилиндре сопровождают под конвоем. Двое встречных студентов-технологов, Фандорину вовсе незнакомых, «арестанту» кивнули, а на «конвоира» посмотрели с ненавистью и презрением. Эраст Петрович оглянулся на поручика, но тот был все так же улыбчив и враждебности молодых людей, похоже, не заметил.

– Смольянинов, вы, очевидно, несколько дней проведете со мной. Не носите мундир, это может повредить делу. Ходите в штатском. И кстати, давно хотел вас с-спросить... Как получилось, что вы оказались в Жандармском корпусе? Ведь ваш отец, кажется, тайный советник? Могли бы служить в г-гвардии.

Поручик воспринял вопрос как приглашение сократить почтительную дистанцию, в один прыжок догнал чиновника и зашагал с ним плечо к плечу.

– Да что там хорошего в гвардии, – охотно откликнулся Смольянинов. – Парады да попойки, скука. А в жандармском служить одно удовольствие. Секретные задания, отслеживание опасных преступников, бывают и перестрелки. В прошлом году анархист в Новогирееве на даче засел, помните? Целых три часа отстреливался, двоих наших ранил. Меня тоже чуть не задел, пуля совсем близко от щеки вжикнула. Еще бы полдюйма, и шрам остался.

Последние слова были произнесены с явным сожалением об упущенной возможности.

– А не задевает вас то... неприязненное отношение, с которым к синим мундирам относятся в обществе, особенно в кругу ваших сверстников?

Эраст Петрович посмотрел на спутника с особенным интересом, но взгляд Смольянинова был по-прежнему безмятежен.

– Я на это внимания не обращаю, потому что служу России и совесть моя чиста. А предубеждение против чинов Жандармского корпуса рассеется, когда все поймут, как много мы делаем для защиты государства и жертв насилия. Вы ведь знаете, что эмблема, назначенная Корпусу императором Николаем Павловичем, – белый платок для утирания слез несчастных и страждущих.

Такой простодушный энтузиазм заставил статского советника вновь взглянуть на поручика, и тот заговорил еще горячее:

– Нашу службу считают зазорной, потому что о ней мало знают. А между прочим, попасть в жандармские офицеры совсем непросто. Во-первых, принимают только потомственных дворян, потому что мы – главные защитники престола. Во-вторых, отбирают самых достойных и образованных из армейских офицеров, только тех, кто закончил училище не ниже, чем по первому разряду. Чтоб ни одного пятнышка по службе и упаси боже никаких долгов. У жандарма должны быть чистые руки. Знаете, какие экзамены мне пришлось выдержать? Ужас! Я за сочинение на тему «Россия в XX веке» высший балл получил, а все равно почти год очереди на курсы дожидался, и после окончания курсов еще четыре месяца вакансии ждал. В Московское управление меня, правда, папа устроил...

Этого Смольянинов мог бы и не добавлять, так что Эраст Петрович оценил честность молодого человека по достоинству.

– Ну и какое же будущее ожидает Россию в XX веке? – спросил Фандорин, покосившись на защитника престола с явной симпатией.

– Самое великое! Нужно только перенаправить настроение просвещенной части общества от разрушительности к созиданию, а непросвещенную часть общества следует образовывать и постепенно воспитывать в ней чувство самоуважения и достоинства. Это самое главное! Если этого не сделать, то Россию ожидают самые чудовищные испытания...

Однако какие именно испытания ожидают Россию, Эраст Петрович так и не узнал, потому что уже свернули в Большой Гнездниковский, и впереди показался неприметный двухэтажный дом зеленого цвета, в котором располагалось Московское охранное отделение.

* * *

Человеку, не сведущему в хитросплетениях ветвей древа русской государственности, непросто было бы разобраться, в чем состоит различие между Охранным отделением и Губернским жандармским управлением. Формально первому надлежало заниматься розыском политических преступников, а второму – дознанием, но, поскольку в секретных расследованиях розыск от дознания бывает неотделим, оба ведомства делали одну и ту же работу: истребляли революционную язву всеми предусмотренными и непредусмотренными законом способами. И жандармы, и «охранники» были людьми серьезными, многократно проверенными, допущенными к сокровеннейшим тайнам, однако же Управление подчинялось штабу Отдельного жандармского корпуса, а Отделение – Департаменту полиции. Путаница усугублялась еще и тем, что руководящие чины Охранного нередко числились по Жандармскому корпусу, а в жандармских управлениях служили статские чиновники, вышедшие из Департамента. Очевидно, в свое время кто-то мудрый, опытный, придерживающийся не слишком лестного мнения о людской природе, рассудил, что одного надзирающего и приглядывающего ока для беспокойной империи маловато. Ведь недаром и человекам Господь выделил не по одной зенице, а по две. Двумя глазами и крамолу выглядывать сподручней, и риска меньше, что одинокое око слишком много о себе возомнит. Поэтому по давней

традиции отношения между двумя ответвлениями тайной полиции складывались ревнивые и неприязненные, что свыше не только дозволялось, но даже, пожалуй, и поощрялось.

В Москве извечная вражда между жандармами и «охранниками» до некоторой степени смягчалась единоначалием – и те, и другие подчинялись городскому обер-полицеймейстеру, – но здесь у обитателей зеленого дома имелось некоторое преимущество: обладая более мощной агентурной сетью, они лучше, чем их синемундирные коллеги, были осведомлены о жизни и настроениях большого города, а для начальства кто осведомленней, тот и ценнее. О некотором превосходстве Охранного косвенно свидетельствовала и сама дислокация Отделения – в непосредственной близости от резиденции обер-полицеймейстера, только пройти закрытым двором из одного черного хода в другой, а с Малой Никитской до полицмейстерова дома на Тверском бульваре было не менее четверти часа быстрого ходу.

Однако из-за затянувшегося отсутствия главного полицейского начальства хрупкое равновесие между Малой Никитской и Гнездниковским нарушилось, о чем Эрасту Петровичу было хорошо известно. Поэтому инсинуации Сверчинского в адрес подполковника Бурляева и его подчиненных следовало воспринимать с известной долей осторожности.

Фандорин толкнул неказистую дверь и оказался в темноватой передней с низким, потрескавшимся потолком. Не задерживаясь, статский советник кивнул молчаливому человеку в штатском (тот ответил почтительным поклоном) и по старинной витой лестнице поднялся на второй этаж. Смольянинов, придерживая шашку, грохотал следом.

Наверху обстановка была совсем иная: широкий светлый коридор с ковровой дорожкой, деловитый стук пишущих машин из-за обитых кожей дверей, на стенах бонтонные гравюры с видами старой Москвы.

Жандармский поручик, видимо, оказался на враждебной территории впервые и оглядывался с нескрываемым любопытством.

– Посидите тут, – показал ему Эраст Петрович на ряд стульев, а сам вошел в кабинет начальника.

– Рад вас видеть в добром здравии! – подполковник выскочил из-за стола и с преувеличенным оживлением бросился жать гостю руку, хотя они расстались каких-нибудь два часа назад, и статский советник, кажется, не давал ни малейших оснований тревожиться о своем здоровье.

Фандорин бурляевскую нервозность истолковал в том смысле, что подполковнику неудобно за давешнее арестование. Однако все положенные извинения были многословнейшим образом высказаны еще на вокзале, поэтому к досадному эпизоду за исчерпанностью темы чиновник возвращаться не стал, а сразу перешел к существенному.

– Петр Иванович, вчера вы докладывали мне о предполагаемых мерах по устройению б-безопасности визита генерал-адъютанта Храпова. Ваши предложения я одобрил. Сколько мне помнится, вы выделили двенадцать филеров для встречи на вокзале, четверых, одетых извозчиками, определили в уличное сопровождение и еще две бригады по семь человек назначили для патрулирования окрестностей особняка на Воробьевых горах.

– Точно так, – осторожно подтвердил Бурляев, ожидая подвоха.

– Осведомлены ли были ваши филеры о том, что за персона п-прибывает?

– Лишь старшие каждой из бригад – всего четыре человека, исключительно надежные.

– Та-ак. – Статский советник закинул ногу на ногу, отложил цилиндр и перчатки на соседний стул и небрежно поинтересовался. – Надеюсь, вы не забыли сообщить этим ч-четверым, что общее руководство охраной возложено на меня?

Подполковник развел руками:

– Никак нет, Эраст Петрович. Не счел нужным. А что, следовало? Виноват.

– И что же, никто кроме вас во всем Отделении не знал, что встречать генерала поручено мне? – стремительно наклонился вперед Фандорин.

– Знали только мои ближайшие помощники – коллежский асессор Мыльников и старший чиновник для поручений Зубцов, а более никто. В нашем заведении лишнего болтать не принято. Мыльников, как вам известно, заведует филерской службой, от него утайки быть не могло. А Сергей Витальевич Зубцов – самый толковый из моих работников, он в свое время и разработал схему «Встреча Пэ-Пэ-эР». Это, можно сказать, его профессиональная гордость.

– Какая-какая встреча? – удивился Эраст Петрович.

– Пэ-Пэ-эР. «По первому разряду». Такая служебная терминология. Мы ведем негласное наблюдение по разрядам, в зависимости от количества задействованных агентов. «Слежка по второму разряду», «Арестование по третьему разряду» и прочее. «Встреча по первому разряду» – это когда нужно обеспечить безопасность особы первого ранга. Вот, например, две недели назад австрийский наследник приезжал, эрцгерцог Франц-Фердинанд. Тоже тридцать филеров было задействовано: двенадцать на вокзале, четыре в пролетках и дважды по семь вокруг резиденции. А «высший разряд» бывает только для его императорского величества. Все шестьдесят филеров работают, и из Петербурга еще Летучий отряд прибывает, не считая дворцовой охраны, жандармерии и прочего.

– Мыльникова я знаю, – задумчиво произнес чиновник. – Евстратий Павлович, кажется? Видел его в деле, сноровистый. Он ведь из низов выслужился?

– Да, вознесся из простых городских. Малообразован, но сметлив, цепок, схватывает на лету. Филеры на него как на Бога молятся, ну и он их в обиду не дает. Золото человек, я им очень доволен.

– Золото? – усомнился Фандорин. – А мне д-доводилось слышать, будто Мыльников на руку нечист? Живет не по средствам, и вроде бы даже служебное расследование было по поводу расходования казенных сумм?

Бурляев задушевно понизил голос:

– Эраст Петрович, у Мыльникова в полном ведении немалые средства на поощрение филеров. Как он распоряжается этими деньгами – не моя печаль. Мне нужно, чтобы его служба работала на ять, а это Евстратий Павлович обеспечивает. Чего ж еще?

Чиновник особых поручений обдумал высказанное суждение и, видимо, не нашелся, что возразить.

– Ну хорошо. А что за человек Зубцов? Я его почти совсем не знаю. То есть, видел, конечно, но никогда с ним не работал. Правильно ли я запомнил, что он из б-бывших революционеров?

– Истинно так, – с явным удовольствием принялся рассказывать начальник Охранного. – Эта история – моя гордость. Я ведь сам Сергея Витальевича арестовывал, еще когда он студентом был. Пришлось с ним повозиться – поначалу держался чистым волчонком. И в карцере у меня посидел, на хлебе и воде, и поорал я на него, и каторгой пугал. А взял не страхом, убеждением. Смотрю – очень уж шустрого ума юноша, такие к террору и прочим насильственным мерам по самому складу мозга не склонны. Бомба и револьвер – это ведь для тупых, у кого недостает соображения, что лбом стену не прошибить. А мой Сергей Витальевич, примечаю, любит о парламентаризме порассуждать, о союзе здравомыслящих патриотов и прочем. Одно удовольствие с ним было допросы вести, иной раз, поверите ли, до утра в предварилровке засиживался. Смотрю – он о своих товарищах по кружку критически отзывается, понимает их узость и обреченность, ищет выхода: как социальную несправедливость поправить и при этом страну динамитом на куски не разорвать. Очень мне это понравилось. Выхлопотал ему закрытие дела. Товарищи его, само собой, в измене заподозрили, отвернулись от него. А ему обидно – он-то перед ними чист. Можно сказать, один я у него друг остался. Встречались мы, говорили о том о сем, я ему что можно про свою работу рассказывал, про трудности и загвоздки всякие. И что вы думаете? Начал мне Сергей Витальевич советы давать – как лучше с молодежью разговаривать, как отличить пропагатора от террориста, что из революционной литературы почитать и прочее. Исключительно ценные советы. Однажды за рюмкой коньяку я ему говорю: «Сергей Витальевич, душа моя, привязался я к вам за эти месяцы, и больно мне видеть, как вы между двумя правдами мечетесь. Я ведь понимаю, что у ваших нигилистов тоже своя правда есть, только вам теперь к ним путь закрыт. А вы вот что, говорю, присоединяйтесь-ка к нашей правде, она, ей-богу, поосновательней будет. Я же вижу, вы истинный патриот земли русской, вам до ихних Интернационалов дела нет. Ну так и я патриот не меньше вас, давайте помогать России вместе». И что же? Подумал Сергей Витальевич денек-другой, написал письма своим прежним приятелям – мол, разошлись наши дорожки – да и подал прошение о зачислении на службу под мое начало. Теперь он у меня правая рука, и далеко пойдет, вот увидите. Между прочим, ваш горячий

поклонник. Просто влюблен в вас, честное слово. Только и разговоров что о ваших дедуктивных свершениях. Иной раз меня прямо ревность берет.

Подполковник засмеялся, судя по всему, очень довольный тем, что и себя в выгодном свете представил и будущему начальнику неглупо польстил, однако Фандорин по всегдашнему своему обыкновению вдруг взял и заговорил совсем о другом:

– Известна ли вам, Петр Иванович, некая д-дама по имени Диана?

Бурляев посмеиваться перестал, лицо словно окаменело и отчасти утратило обычное выражение грубоватого солдатского прямодушия – взгляд сделался острым, настороженным.

– Могу ли я полюбопытствовать, господин статский советник, почему вы интересуетесь этой дамой?

– Можете, – бесстрастно ответил Фандорин. – Я ищу источник, из которого сведения о нашем плане охраны попали к т-террористам. Пока удалось установить, что кроме Департамента полиции детали были известны т-только вам, Мыльникову, Зубцову, Сверчинскому и его адъютанту. Полковник Сверчинский допускает, что о мерах безопасности могла быть осведомлена «сотрудница» с агентурной к-кличкой Диана. Вы ведь с ней знакомы?

Бурляев ответил с внезапной злобой:

– Знаком. «Сотрудница» прекрасная, спору нет, но только Сверчинский напрасно намекает. Это называется с больной головы на здоровую! Если кто и мог ей проболтаться, то скорее он. Она из него веревки вьет!

– Как, Станислав Филиппович – ее любовник? – поразился чиновник особых поручений, едва успев проглотить слово «тоже».

– А черт их там разберет, – все так же озлобленно рявкнул подполковник. – Очень даже возможно!

Сбитый с толку Эраст Петрович не сразу собрался с мыслями.

- И что она так хороша собой, эта Диана?

- Право не знаю! Никогда не видел ее лица.

Петр Иванович сделал ударение на последнем слове, что придало всей фразе двусмысленное звучание. Подполковник, очевидно, и сам это почувствовал, потому что счел необходимым пояснить:

- Видите ли, Диана никому из наших лица не показывает. Все встречи происходят на конспиративной квартире, в полумраке, да она еще и в вуали.

- Но это неслыханно!

- В романтическую героиню играет, - скривился Бурляев. - Уверен, что Сверчинский ее лица тоже не видел. Прочие части тела - весьма вероятно, но лицо наша Диана прячет, словно турецкая одалиска. Таково было твердое условие ее сотрудничества. Грозится, что при малейших поползновениях открыть ее инкогнито прекратит всякую помощь. Было особое указание из Департамента - попыток не предпринимать. Пусть, мол, интересничает, лишь бы сообщала данные.

Эраст Петрович сопоставил манеру, в которой Бурляев и Сверчинский говорили о загадочной «сотруднице», и обнаружил в интонации и словах обоих штаб-офицеров черты несомненного сходства. Кажется, Управление и Отделение соперничали не только на поприще полицейской службы.

- Знаете что, Петр Иванович, - сказал Фандорин с самым серьезным видом. - Вы меня заинтриговали вашей т-таинственной Дианой. Свяжитесь-ка с ней и сообщите, что я хочу немедленно ее видеть.

Глава вторая

Отдых стального человека

Семьсот восемьдесят два, семьсот восемьдесят три, семьсот восемьдесят четыре...

Мускулистый, поджарый человек с неподвижным лицом, спокойными серыми глазами и решительной складкой поперек лба лежал на паркетном полу и считал удары собственного сердца. Счет шел сам собой, без участия мысли и ничуть ей не мешая. Когда человек лежал, удар его сердца в точности соответствовал секунде – это было многократно проверено. Давняя, еще с каторги, привычка, отдыхая, прислушиваться к работе своего внутреннего двигателя настолько вошла в плоть и кровь мужчины, что иногда он просыпался среди ночи на четырехзначном числе и понимал, что не прекращал счета даже во сне.

Эта арифметика была не лишена смысла, потому что приучала сердце к дисциплине, закаляла выдержку и волю, а главное – позволяла за каких-нибудь пятнадцать минут (то есть за девятьсот ударов) расслабить мышцы и воскресить силы не хуже, чем за три часа крепкого сна. Однажды мужчине пришлось долго обходиться без сна. В Акатуйском каторжном остроге его хотели зарезать уголовные. Днем сунуться боялись, ждали темноты, и это повторялось много ночей подряд.

А обыкновение лежать на жестком осталось с ранней юности, когда Грин (так его называли товарищи, настоящего же имени теперь не знал никто) занимался самовоспитанием и отвыкал от всего, что считал «роскошью», включив в эту категорию вредные или даже просто не обязательные для выживания привычки.

Из-за двери доносились приглушенные голоса – члены Боевой Группы возбужденно обсуждали детали успешно проведенного акта. Иногда Снегирь, забывшись, повышал голос, и тогда остальные двое на него шипели. Они думали, что Грин спит. Но он не спал. Он отдыхал, считал пульсацию сердца и думал про старика, который перед смертью вцепился в его запястье. Кожа до сих пор помнила прикосновение сухих горячих пальцев. Это мешало ощутить удовлетворение от чисто проведенной акции, а ведь иных радостей кроме чувства выполненного долга у сероглазого человека не было.

Грин знал, что его кличка по-английски значит «зеленый», но свой цвет ощущал иначе. Всё на свете имеет окраску, все предметы, понятия, все люди – он чувствовал это с раннего детства, была у Грина такая особенность. Например, слово «земля» было глиняно-коричневое, слово «яблоко» светло-розовое, даже

если антоновка, «империя» – бордовое, отец был густо-лиловый, мать – малиновая. Даже буквы в алфавите имели свой окрас: «А» – багровый, «Б» – лимонный, «В» – бледно-желтый. Грин не пытался разобраться, почему звучание и смысл вещи, явления или человека для него окрашиваются так, а не иначе – просто принимал это знание для сведения, и знание редко его обманывало, во всяком случае в отношении людей. Дело в том, что по шкале, изначально встроенной в Гринову душу, каждый цвет имел еще и свое потаенное значение. Синий был сомнение и ненадежность, белый – радость, красный – печаль, поэтому российский флаг выходил странным: тут тебе и печаль, и радость, причем обе какие-то сомнительные. Если новый знакомый отсвечивал синевой, Грин не то чтобы относился к нему с заведомым недоверием, но присматривался и примеривался к такому человеку с особенной осторожностью. И еще вот что: люди единственные из всего сущего обладали свойством со временем менять свой цвет – от собственных поступков, окружения, возраста.

Сам Грин когда-то был лазоревый – мягкий, теплый, бесформенный. Потом, когда решил себя изменить, лазурь пошла на убыль, понемногу вытесняемая строгой и ясной пепельностью. Со временем голубые тона ушли куда-то внутрь, из главных стали оттеночными, а Грин сделался светло-серым. Как дамасская сталь – таким же твердым, гибким, холодным и не подверженным ржавчине.

* * *

Преображение началось в шестнадцать лет. Прежде Грин был обычным гимназистом – писал акварельные пейзажи, декламировал Некрасова и Лермонтова, влюблялся. Нет, он, конечно, и тогда отличался от одноклассников – хотя бы потому, что все они были русские, а он нет. В классе его не травили, не дразнили «жидом», потому что чувствовали в будущем стальном человеке сосредоточенность и тихую, несуетливую силу, но друзей у него не было и не могло быть. Другие гимназисты прогуливали уроки, устраивали учителям обструкции и списывали со шпаргалок, а Грину надлежало учиться на одни пятерки и вести себя самым примерным образом, потому что иначе его бы отчислили, а отец бы этого не перенес.

Вероятно, гимназия была бы благополучно окончена, лазоревый юноша стал бы сначала студентом университета, а потом врачом или – как знать – художником, но тут генерал-губернатору Чиркову взбрело в голову, что в городе расплодилось слишком много евреев, и он распорядился выслать обратно в

местечки аптекарей, дантистов и торговцев, не имевших вида на проживание вне черты оседлости. Отец был аптекарем, и семья оказалась в маленьком южном городе, откуда Гринберг-старший уехал много лет назад, чтобы выучиться чистой профессии.

Натура Грина была устроена так, чтобы откликаться на злобную, тупую несправедливость искренним недоумением, которое, пройдя через стадии острого, физического страдания и обжигающего гнева, завершалось неодолимой жаждой ответного действия.

Злобной, тупой несправедливости вокруг было много. Она мучила подростка и прежде, но до поры до времени удавалось делать вид, что есть дела поважнее – оправдать надежды отца, выучиться полезному ремеслу, понять и раскрыть в себе то, ради чего появился на свет. Теперь же злобная тупость налетела на Грина, как пышащий грозным паром локомотив, отбросила под насыпь, и противиться голосу природы, требовавшей действия, стало невозможно.

Весь тот год Грин был предоставлен сам себе. Считалось, что он готовится к сдаче гимназического курса экстерном. Он и в самом деле много читал – Гиббона, Локка, Милля, Гизо. Хотел понять, почему люди мучают друг друга, откуда берется несправедливость и как ее лучше исправлять. Прямого ответа в книгах не обнаруживалось, но, если как следует поразмыслить, его можно было прочесть между строк.

Чтобы не загнить, не затянуться ряской, общество нуждается в периодическом взбалтывании, имя которому революция. Передовые нации – те, которые прошли через эту болезненную, но необходимую операцию, и чем раньше, тем лучше. Класс, слишком долго находящийся наверху, мертвеет, как ороговевшая кожа, от этого поры страны закупориваются, и в обществе нарастает удушье, производящее бессмысленность и произвол. Государство ветшает, как давно не отремонтированный дом, и если процесс разрушения зашел слишком далеко, подпирать и латать гнилую постройку нецелесообразно. Нужно ее спалить, и на пепелище выстроить новый дом, крепкий и светлый.

Но сами по себе пожары не происходят. Нужны люди, согласные взять на себя роль спички, которая, сгорев, даст начало большому огню. При одной мысли о такой судьбе захватывало дух. Грин соглашался стать спичкой и сгореть, но понимал, что одного согласия мало.

Требовались стальная воля, богатырская сила, безупречная чистота.

Воля досталась ему от рождения, надо было только ее развить. И он разработал целый курс преодоления собственных слабостей – главных своих врагов. Страха высоты: ночью часами вышагивал взад-вперед по перилам железнодорожного моста, заставлял себя не отводить глаз от черной, маслянистой воды.

Гадливости: ловил в лесу гадюк и не отворачиваясь смотрел в мерзкую шипящую пасть, пока упругая пятнистая плеть неистово обвивалась вокруг голой руки.

Застенчивости: ездил в уездный город на ярмарку и пел там под шарманку, а слушатели покатывались со смеху, потому что ни голоса, ни слуха у хмурого полоумного еврейчика не было.

Богатырская сила досталась труднее. От природы Грин был крепок здоровьем, но неловок и узок в кости. Неделя за неделей, месяц за месяцем он по десять, двенадцать, четырнадцать часов в день растил телесную мощь. Действовал по собственной методе, поделив мышцы на нужные и ненужные. На бесполезные мускулы времени не тратил. Начал с тренировки пальцев и продолжал до тех пор, пока не научился запросто гнуть между большим и указательным не только пятаки, но и алтыны. Потом занялся кулаками – колотил по дюймовой доске, разбивал суставы в кровь, мазал ссадины йодом и снова бил, пока кулаки не обросли мозолями, а дерево не стало переламываться от первого же удара. Когда дошла очередь до плеч, нанялся на мельницу таскать четырехпудовые мешки. Живот и поясницу развивал при помощи французской гимнастики. Ноги – посредством велосипеда, причем ехал только в гору, а с горы нес машину на себе.

Тяжелее всего давалась нравственная чистота. От излишеств в пище и бытовых удобств Грин отучился быстро, хоть мать и плакала, когда он закалял себя голодом или в октябрьскую дождливую ночь отправлялся спать на железную крышу. Но отрешиться от физиологического никак не получалось. Не помогали ни голодовки, ни стократное подтягивание на патентованной английской перекладине. Однажды он решил вышибить клин клином – вызвать у себя отвращение к половому. Поехал в уездный город и нанял у станции самую мерзкую из всех гулящих. Не подействовало, только хуже стало. Значит, оставалось полагаться на силу воли.

Год и четыре месяца Грин выстругивал из себя спичку. Он еще не решил, где тот коробок, о который ему суждено чиркнуть перед тем как сгореть, но уже знал, что без крови не обойтись, и готовился обстоятельно. Научился без промаха

стрелять по мишени. С двенадцати шагов бросал в маленькую дыню нож, молниеносно выхватывая его из-за пояса. Засел за химические учебники и изготовил гремучую смесь собственной рецептуры.

С трепетом следил он за небывалой охотой, которую решительные люди из партии «Народная воля» устроили на самого царя. Царь не давался им в руки, его хранила таинственная сила, раз за разом посылавшая самодержцу чудесное спасение.

Грин ждал. Он начинал догадываться, что это за чудесная сила, но пока еще боялся верить такому невероятному счастью. Неужто история выбрала именно его, Григория Гринберга? В конце концов он был всего лишь мальчишкой, одним из сотен, а то и тысяч точно таких же юнцов, мечтавших о короткой жизни пылающей спички.

Ожидание закончилось мартовским днем, когда застоявшаяся река трещала и горбилась перед ледоходом.

Грин ошибся. История выбрала не его, а другого мальчишку, несколькими годами старше. Он бросил бомбу, раздробил императору ноги, а себе грудь. Перед смертью на минуту очнулся, на вопрос об имени ответил «не знаю» и ушел, осыпаемый проклятьями современников, но заслуживший вечную благодарность потомков.

Судьба поманила Грина и обвела вокруг пальца, но бросить не бросила, из железных объятий не выпустила, а подхватила его, недоумевающего, онемевшего от разочарования, и поволокла кружной дорогой навстречу цели.

* * *

Погром начался, когда аптекарева сына в городке не было. Охваченный жадным, ревнивым любопытством, он на два дня уехал в Киев, чтобы узнать подробности цареубийства – газеты излагали невразумительно, больше налегая на верноподданнические излияния.

В воскресенье утром в слободе за рекой, где жили гои, ударил набат. Кабатчик Митрий Кузьмич, отряженный обществом в Белоцерковск, приехал с

подтверждением, что слух был верный: царя-императора убили жида. Значит, абрашек можно бить, и ничего за это не будет.

Пошли толпой через железнодорожный мост, разделявший городок на две части, православную и жидовскую. Шли чинно, спокойно, с хоругвями и пением. Вышедшим навстречу представителям – раввину, директору еврейского училища и рыночному старосте – ничего не сделали, но и слушать их не стали. Просто отодвинули в сторону и разбрелись по тихим улочкам, слепо пившимся закрытыми ставнями. Примерялись долго – не хватало толчка, чтоб растворилась душа.

Тот же кабатчик и положил почин – вышиб дверь в шинке, что открылся в прошлый год и испоганил ему всю торговлю. От треска и грохота очнулся народ, вошел в настроение.

Все вышло, как положено: пожгли синагогу, пошарили по хатам, кому ребра намяли, кого за пейсы оттащали, а к вечеру, когда в шинкарском погребе отыскались припрятанные бочки с вином, кое-кто из парней и до жидовских девок добрался.

Возвращались еще засветло, унося тюки с добром и пьяных. Перед тем как разойтись, порешили всем миром: завтра не работать, потому что грех работать, когда у народа такое горе, а снова идти за реку.

Вечером вернулся Грин и не узнал городка. Выломанные двери, летают перья и пух, тянет дымом, из окон женский вой и детский плач.

Родители уцелели, отсиделись в каменном подвале, но дома было мерзко: погромщики разломали больше, чем взяли, а злее всего расправились с книгами – и хватило же усердия рвать страницы из всех пятисот томов.

Невыносимо было смотреть на белого, с трясущимися губами отца. Он рассказал, что аптеку разнесли еще утром, потому что в ней спирт. Но это не самое страшное. Старому цадику Белкину проломили голову, и он умер, а сапожниковой Гесе за то, что не отдавала дочь, отрубили топором половину лица. Завтра толпа придет снова. Люди собрали девятьсот пятьдесят рублей, отнесли исправнику. Деньги исправник взял, сказал, что поедет за воинской командой, и вправду уехал, только к завтрашнему утру не обернется, так что

придется потерпеть.

Грин слушал, бледнея от страшного разочарования. Так вот к чему готовила его судьба? Не к ослепительной вспышке, что взметнется из-под колес золоченой кареты и прогремит на весь мир, а к бессмысленной смерти под дубьем похмельного сброда. В глухом захолустье, ради жалких, неинтересных ему людей, с которыми у него нет ничего общего. Он даже толком не понимает их чудовищного говора, потому что дома всегда разговаривали по-русски. Ему дики и смешны их обычаи, да и он для них чужак, полоумный сынок еврея, который не захотел жить по-еврейски (и что, я вас спрашиваю, из этого вышло?).

Но тупость и злоба мира требовали ответного действия, и Грин знал, что выбора у него нет.

Утром в слободе снова ударил колокол, и с майдана к мосту двинулась густая толпа, многолюднее, чем накануне. Сегодня не пели. После шинкарева вина и аптечного спирта лица были мятые, но деловитые. Многие волокли тележки и тачки. Впереди с иконой шел самый главный человек, Митрий Кузьмич, в красной рубахе и новом казакине хорошего сукна.

Ступив на мост, толпа вытянулась в серую ленту. По реке такой же серой неостановимой массой плыли ноздреватые льдины.

В дальнем конце моста, между рельсов, стоял высокий жидок в пальто с поднятым воротником. Держал руки в карманах, хмурый ветер трепал черные волосы на непокрытой голове.

Когда передние подошли ближе, стоявший не произнес ни слова вынул правую руку. В ней чернел тяжелый револьвер.

Передние хотели остановиться, но задним револьвера было не видно, они напирали, и движение толпы не замедлилось.

Тогда черный человек выстрелил поперх голов. В звонком утреннем воздухе хлопок получился гулким, речное эхо подхватило его и многократно повторило: Кррах! Кррах! Кррах!

Люди остановились.

Черный по-прежнему ничего не говорил. Его лицо было серьезно и неподвижно, дырка ствола опустилась и смотрела прямо в глаза впереди стоящим.

Азартно работая локтями, через толпу протиснулся Егорша-плотник, мужик озорной и беспутный. Вчера он весь день пролежал пьяный, жидов бить не ходил и теперь сильно маялся от нетерпения.

– А ну-ка, ну-ка, – сказал Егорша, посмеиваясь и засучивая рукав драной чуйки. – Ништо, не пальнет, заботится.

Револьвер немедленно ответил на Егоршины слова грохотом и дымом.

Плотник охнул, схватившись за простреленное плечо, и сел на корточки, а черное дуло размеренно крахнуло еще четыре раза.

Больше пуль в барабане не было, и Грин достал из левого кармана самодельную бомбу. Но бросать ее не понадобилось, потому что случилось чудо. Раненный в коленку Митрий Кузьмич так страшно завопил «ой, убили, убили, православные!», что толпа дрогнула, подалась назад, а потом, давя друг друга, побежала по мосту обратно в слободу.

Глядя в спины убегающим, Грин впервые ощутил, что лазурного цвета в нем осталось мало, гамму теперь определяет серо-стальной.

В сумерки прибыл исправник с взводом конной полиции и увидел, что в городке все спокойно. Удивился, поговорил с евреями и увез аптекарева сына в тюрьму.

Григорий Гринберг стал Грином в двадцать лет, после очередного побега. Прошел полторы тысячи верст, и уже под самым Тобольском угодил в глупую облаву на бродяг. Надо было как-то назваться, вот и назвался. Не в память о прежней фамилии, а в честь Игнатия Гриневицкого, цареубийцы.

* * *

На тысяча восьмисотом ударе он почувствовал, что силы полностью восстановлены, и легко, не коснувшись руками пола, поднялся. Времени было много. Теперь вечер, а впереди еще целая ночь.

Неизвестно, сколько придется пробыть в Москве. Недели две, вряд ли меньше. Пока не уберут филеров с застав и вокзалов. За себя Грин не беспокоился, у него терпения хватит. Восемь месяцев одиночки – хорошая школа терпения. Но ребята в группе молодые и горячие, им будет тяжело.

Он вышел из спальни в гостиную, где сидели трое остальных.

– Ты почему не спишь? – переполошился Снегирь, самый юный из всех. – Это из-за меня, да? Я громко болтал?

В группе все были на «ты», вне зависимости от возраста и революционных заслуг. Не «выкать» же, если завтра, или через неделю, или через месяц вместе идти на смерть. На всем белом свете Грин говорил «ты» только этим троим: Снегирию, Емеле, Рахмету. Раньше были и другие, но они все умерли.

У Снегирия вид был свежий, что и понятно – на акцию мальчика не взяли, хоть умолял и даже плакал от злости. Двое других выглядели бодрыми, но усталыми, что тоже было естественно.

Операция прошла легче, чем ожидалось. Помогла пурга, а больше всего снежный занос перед Клином, настоящий подарок судьбы. Рахмет и Емеля ждали с санями в трех верстах от станции. По плану предполагалось, что Грин будет выбрасываться из окна на ходу и может расшибиться. Тут они его и подобрали бы. Или охрана могла заметить выпрыгнувшего, открыть стрельбу. И в этом случае сани бы пригодились.

Получилось лучше. Грин просто прибежал по рельсам, целый и невредимый. Даже не замерз – пока бежал три версты, разогрелся.

Объехали пойму речки Сестры, где рабочие расчищали дорогу. На соседней станции угнали брошеную старую дрезину и докатили на ней до самой Москвы-Сортировочной. Конечно, семьдесят верст качать проржавевший рычаг, да еще под косым снегом и ветром, нелегко. Неудивительно, что парни выбились из сил, они не были стальными. Сначала ослаб Рахмет, а потом и дюжий Емеля. Всю

вторую половину пути пришлось вытягивать одному.

– Ты, Гриныч, как Змей Горыныч, – восхищенно покачал льняной головой Емеля. – Заполз в пещеру на полчасика, старую чешую скинул, порубленные башки отрастил и будто новенький. Я уж на что бугай, а все не отдышусь, язык на плече.

Емеля был хороший боевик. Крепкий, несуетливый, без интеллигентских фанаберий. Славного, успокаивающего темно-коричневого цвета. Это он себе в честь Пугачева кличку взял, а раньше звался Никифором Тюниным. Сам из арсенальских мастеровых, настоящий пролетарий. Плечистый, широколицый, с маленьким, детским носиком и круглыми добродушными глазами. Нечасто бывает, чтобы из угнетенного класса выходили стойкие, сознательные бойцы, но уж если отыщется молодец, то можно на него положиться, как на самого себя. Грин лично отобрал его из пяти кандидатов, присланных партией. Это было после того как Соболь неудачно метнул бомбу в Храпова, и в Боевой Группе образовалась вакансия. Грин проверил новичка на прочность нервов, на сообразительность и остался доволен.

На екатериноградской акции Емеля показал себя отлично. Когда губернаторские дрожки в указанное письмом время (и, действительно, без эскорта) подъехали к неприметному особняку на Михельсоновской, Грин приблизился к трудно вылезавшему из коляски толстяку и два раза выстрелил в упор. Потом побежал через подворотню на соседнюю улицу, где дожидался Емеля, изображавший извозчика. И случилось невезение: именно в эту минуту мимо фальшивого «ваньки» шел околоточный с двумя городовыми. Полицейские услышали отдаленные выстрелы, и тут же из двора выбежал человек – прямо им в руки. А Грин уж и револьвер успел выбросить. Сбил одного ударом в подбородок, но остальные двое повисли на руках, а упавший задул в свисток. Выходило скверно, однако новичок не растерялся. Неспешно слез с козел, стукнул городского тяжелым кулаком по затылку, тот и обмяк, а со вторым Грин справился сам. Умчались с ветерком, под залиvistый полицейский свист.

Когда смотрел на Емелю, на сердце теплело. Думал: не все народу на печи лежать. Которые поострей и посовестливей, уже начали просыпаться. А значит, не напрасны жертвы, не зря льется кровь – своя и чужая.

– Вот что значит на полу спать, земными соками питаться, – улыбнулся Рахмет, откинув со лба картинную прядь. – Я тут, Грин, про тебя поэму начал сочинять.

И продекламировал:

Жил на свете Грин железный,

Он имел талант полезный —

Спал на досках славный Грин,

Обходился без перин.

- Есть и другой вариант. - Рахмет остановил жестом приснувшего Снегиря и продолжил:

Жил на свете рыцарь бедный

По прозванию Храбрый Грин.

Он имел талант невредный —

Обходился без перин.

Под дружный хохот товарищей Грин подумал: это он из Пушкина переименовал. Наверно, смешно. Он знал про себя, что смешного не понимает, но это было ничего, неважно. И еще мысленно поправил: я не железный, я стальной.

Ничего не мог с собой поделаться – этот любитель острых ощущений был ему не по душе, хотя следовало признать, что пользы делу Рахмет приносит много. Его Грин подобрал минувшей осенью, когда понадобился напарник для заграничной акции – не Емелю же было в Париж везти.

Устроил Рахмету побег из тюремной кареты, когда его везли из суда после объявления приговора. Об уланском корнете Селезневе тогда писали все газеты. Молодой офицер на смотре заступился перед полковником за своего солдата, в ответ на площадную брань вызвал командира на дуэль, а когда оскорбитель вызова не принял, застрелил его на глазах у всего полка.

Красивая история Грину понравилась. Особенно то, что офицерик из-за простого человека не побоялся себе всю судьбу поломать. Была в этом многообещающая отчаянность, и еще померещилось Грину родство душ – знакомое неистовство в ответ на тупую подлость.

Однако вышло, что пружина в Николае Селезневе совсем иная. Его цвет при ближайшем знакомстве оказался тревожный, васильковый. «Я до ощущений ужасно любопытный», – часто повторял Рахмет. Беглого корнета влекло по жизни любопытство, чувство пустое и бесполезное, заставляя попробовать и того блюда, и этого – чем острее и прянее, тем лучше. Грин понял: в командира он выстрелил не от несправедливости, а потому что весь полк смотрел, затаив дыхание, и ждал, что будет. И в революционеры подался от жажды приключений. Побег со стрельбой ему понравился, конспиративная поездка в Париж – и того больше.

Иллюзий относительно Рахметовых мотивов у Грина больше не осталось. Взял себе кличку в честь героя Чернышевского, а сам совсем из другого теста. Пока не прискучили теракты, будет рядом. Удовлетворит любопытство – сорвется, ищи тогда ветра в поле.

Насчет Рахмета у Грина имелась секретная мысль – как от праздного человека получить наибольшую пользу для дела. Мысль такая: послать его на важную акцию, откуда не возвращаются. Пусть бросится живой бомбой под копыта министерской или губернаторской упряжки. Рахмет верной гибели не побоится – этакого фокуса ему жизнь еще не показывала. На случай если бы акт в Клину сорвался, было у Рахмета задание: подорвать Храпова нынче вечером на Ярославском вокзале, перед отъездом в Сибирь. Что ж, Храпова больше нет, но будут и другие, у самодержавия псов много. Главное не упустить момент, когда у Рахмета в глазах появится скука.

Только из-за этой секретной мысли и оставил его Грин в группе после декабрьской истории с Шверубовичем.

Был приказ партии: казнить предателя, который выдал и отправил на виселицу рижских товарищей. Грин такой работы не любил, поэтому не стал возражать, когда Рахмет вызвался сам.

Вместо того чтобы просто застрелить Шверубовича, Рахмет проявил фантазию – плеснул ему в лицо серной кислотой. Говорил, что для острастки прочим провокаторам, а на самом деле, наверное, просто хотел поглядеть, как у живого человека вытекают глаза, отваливаются губы и нос. С той поры на Рахмета Грин смотреть без отвращения не мог, но ради дела терпел.

– Надо ложиться, – негромко сказал он. – Знаю, только девять часов. Все равно спать. Завтра рано. Будем менять квартиру.

И оглянулся на белую дверь кабинета. Там сидел хозяин, приват-доцент Высшего технического училища Семен Львович Аронзон. В Москве планировали поместиться по другому адресу, но вышла неожиданность. Связная, встретившая боевиков в условленном месте, предупредила, что туда нельзя. Про инженера Ларионова, чья явка, только что стало известно: агент Охранки.

Грин, которого еще пошатывало после дрезины, сказал связной (у нее была странная кличка – Игла):

– Плохо работаете, москвичи. Агент на явке – это провалить всю Боевую Группу.

Сказал без злобы, констатируя факт, но Игла обиделась.

Про нее Грину было мало что известно. Кажется, из богатой семьи. Сухая долговязая барышня-перестарок. Бескровные поджатые губы, тусклые волосы, уложенные на затылке в тугий узел. В революции таких много.

– Если б мы плохо работали, то не раскрыли бы Ларионова, – огрызнулась Игла. – Скажите, Грин, а вам непременно нужна квартира с телефонной связью? Это не так просто.

– Знаю, но телефон обязательно. Срочно связаться, сигнал тревоги, предупредить, – объяснил он, мысленно давая себе зарок впредь в важных делах обходиться только собственными ресурсами, без помощи партии.

– Тогда придется определить вас на один из резервных адресов, к кому-нибудь из сочувствующих. Москва не Петербург, собственный телефон имеется у немногих.

Так группа и попала на постой к приват-доценту. Про него Игла сказала, что он скорее либерал, чем революционер, и террористических методов не одобряет, но это ничего, человек честный, передовых взглядов и в помощи не откажет, а в подробности его посвящать ни к чему.

Проводив Грина и его людей в хороший доходный дом на Остоженке (просторная квартира на самом верхнем этаже, а это ценно, потому что ход на крышу), связная, прежде чем уйти, коротко и деловито объяснила нервничающему хозяину элементарные правила конспирации:

– Ваш дом – самый высокий в этой части города, это удобно. Мне из мезонина видно ваши окна в бинокль. Если все спокойно, шторы в гостиной не задергивайте. Две задернутые шторы – провал. Одна задернутая штора – сигнал тревоги. Я вам протелефонирую, спрошу профессора Брандта. Вы ответите или: «Вы ошиблись, это другой номер» – и тогда я немедленно приду, или: «Вы ошиблись, это номер приват-доцента Аронзона» – и тогда я пришлю на выручку боевой отряд. Запомните?

Аронзон, побледнев, кивнул, а когда Игла ушла, промямлил, что «товарищи» могут распоряжаться квартирой по своему усмотрению, что прислугу он отпустил, а сам, если понадобится, будет у себя в кабинете. Так ни разу за полдня оттуда и не выглянул. Одно слово – «сочувствующий». Нет, две недели здесь нельзя, сразу решил Грин. Надо завтра же сменить адрес.

– Чего спать-то? – пожал плечами Рахмет. – То есть вы, господа хорошие, как хотите, а я бы к иуде Ларионову наведалься. Пока не сообразил, что раскрыт. Кажется, Поварская, двадцать восемь? Не так далеко.

– Правда! – горячо поддержал его Снегирь. – И я бы пошел. А еще лучше я один, потому что вы свое сегодня уже сделали. Я справлюсь, честное слово! Он откроет дверь, я спрошу: «Вы инженер Ларионов?» Это чтобы по ошибке невиновного не убить. А потом скажу: «Получи, предатель». Выстрелю в сердце – три раза, чтоб наверняка, и убегу. Пара пустяков.

Рахмет, запрокинув голову, звонко расхохотался:

– Пара пустяков, как же! Ты выстрели, попробуй. Я когда на плацу фон Боку в упор шандарахнул, у него глазнапы из орбит выскочили, ей-богу! Два таких красных шара. Долго потом по ночам снилось. Просыпался весь в холодном поту. Пара пустяков...

Грин подумал: а Шверубович с растекающимся лицом тебе не снится?

– Ничего, если ради дела, то можно, – решительно заявил Снегирь, побледнев и тут же, без всякого перехода, залившись краской. Ему и прозвище досталось из-за вечного румянца и светлого пушка на щеках. – Ведь он, гад, своих предавал.

Снегиря Грин знал давно, много дольше, чем остальных. Особенный был мальчик, драгоценной породы. Сын повешенного цареубийцы и народоволки, умершей в каземате от протестной голодовки. Рожден от невенчаных родителей, в церкви не крещен, воспитан товарищами отца и матери. Первый свободный человек будущей свободной России. Без мусора в голове, без мути в душе. Когда-нибудь подобные мальчики станут самыми обычными, но сейчас он был такой один, ценнейший продукт мучительной эволюции, и поэтому Грину очень не хотелось брать Снегиря в группу.

А как не возьмешь? Три года назад, когда Грин после побега с каторги долгим, кружным путем двигался вокруг света домой – через Китай, Японию, Америку, – пришлось задержаться в Швейцарии. Сидел без дела, ждал эстафеты через границу. Снегиря же только-только переправили из России, где арестовали его очередных опекунов. В Цюрихе заниматься пареньком было некому. Попросили Грина, он согласился, потому что никакой другой пользы партии в то время принести не мог. Эстафета задерживалась, потом вовсе провалилась. Пока наладили новую, миновал целый год.

Почему-то мальчишка был Грину не в тягость, даже наоборот. Может, оттого, что впервые за долгое время пришлось заботиться не обо всем человечестве, а об одном человеке. Даже не человеке еще, недоростке.

Однажды, после серьезного, обстоятельного разговора, Грин дал воспитаннику обещание: когда Снегирь подрастет, приобщить его к своей работе, чем бы в ту пору Грин ни занимался. Боевой Группы тогда еще и в помине не было, а то бы такого не пообещал.

Потом вернулся на родину, занялся делом, о мальчугане вспоминал часто, но про обещание, конечно, и думать забыл. А два месяца назад в Питере, на конспиративной квартире, привели к нему Снегиря – познакомьтесь, товарищ Грин, молодое пополнение из эмиграции. Снегирь смотрел обожающими глазами, про обещание заговорил чуть не с первой же минуты. Деваться было некуда – отказываться от своего слова Грин не умел.

Берег он пока мальчика, до дела не допускал, но вечно так продолжаться не могло. В конце концов Снегирь уже взрослый, восемнадцатый год. Грину на железнодорожном мосту было столько же.

Еще не сейчас, сказал он себе минувшей ночью, когда готовились к акции. В следующий раз. И приказал Снегирию отправляться в Москву – якобы проверить связь.

Цвета Снегирь нежного, персикового. Какой из него боевик. Хотя бывает, что из таких истинные герои и получаются. Надо бы устроить парню боевое крещение, но не с казни же изменника начинать.

– Никто никуда, – веско сказал Грин. – Всем спать. Я сторожу первый. Через два часа Рахмет. Разбужу.

– Э-эх, – улыбнулся бывший корнет. – Всем ты, Грин, хорош, только скучный. Тебе бы не террором заниматься, а в банке служить, счетоводом.

Но спорить не стал, знал, что бесполезно.

Бросили жребий. Рахмету выпало спать на кровати, Емеле на диване, Снегирию на свернутом одеяле.

Минут пятнадцать из-за двери спальни доносились голоса и смех, потом стало тихо. Тогда из кабинета выглянул хозяин, блеснул в полумраке золотым пенсне, неуверенно пробормотал:

– Добрый вечер.

Грин кивнул, но приват-доцент не уходил.

Тогда Грин счел нужным проявить учтивость. Все-таки неудобство человеку, да и риск. За укрывательство террористов дают каторгу. Сказал вежливо:

– Знаю, Семен Львович, стеснили. Потерпите – завтра уйдем.

Аронзон мешкал, будто не решался что-то спросить, и Грин догадался: хочет поговорить. Известное дело – интеллигент. Только дай начать, до утра не остановится.

Ну нет. Во-первых, вступать с непроверенным человеком в отвлеченные беседы незачем, а во-вторых, есть серьезный предмет для обдумывания.

– Мешаю вам. – Он решительно поднялся. – Посижу на кухне.

Сел на жесткий стул, подле занавешенного шторкой входа (уже проверял – служанкина каморка). Стал думать о ТГ. Наверное, в тысячный раз за минувшие месяцы.

* * *

Началось всё в сентябре, через несколько дней после того, как подорвался Соболев – бросил бомбу в Храпова, когда тот выходил из церкви, а снаряд угодил пол бровку тротуара и все осколки полетели в метальщика.

Тогда и пришло первое письмо.

Нет, не пришло, обнаружилось. На обеденном столе, в квартире, где в ту пору размещалась Боевая Группа и куда имели доступ очень немногие.

Не группа – одно название, потому что из боевиков после гибели Соболева остался только Грин. Помощники и связные не в счет.

Боевая Группа образовалась так. Когда Грин нелегально вернулся в Россию, то долго примеривался, где может принести больше пользы – куда поднести спичку, чтобы огонь занялся пожарче. Возил листовки, помогал устраивать подпольную типографию, охранял партийный съезд. Все это было нужное, но он выковал из себя стального человека не для работы, с которой может справиться каждый.

Постепенно цель определилась. Всё та же – террор. После разгрома «Народной воли» боевая революционная деятельность почти сошла на нет. Полиция теперь стала не та, что в семидесятые. Повсюду шпионы и провокаторы. За всё

минувшее десятилетие – пара удачных терактов и десятков проваленных. Куда годится?

Без тираноборства революций не бывает – это аксиома. Листовками и просветительскими кружками царизм не своротить. Террор был нужен как воздух, как глоток воды в пустыне.

Всё хорошенько продумав, Грин приступил к действию. Поговорил с членом ЦК, Мельником, которому полностью доверял, заручился осторожным согласием. Первый акт он проведет на свой страх и риск. Если удастся, партия объявит о создании Боевой Группы, обеспечит финансовую и организационную поддержку. Если провал – он действовал в одиночку.

Это было разумно. Одному в любом случае безопасней – сам себя Охранке не выдашь. У Грина тоже было условие: о нем в ЦК будет знать только Мельник, все контакты через него. Если понадобятся помощники, Грин подберет их сам.

Первое задание получил такое: привести в исполнение давний приговор, вынесенный тайному советнику Якимовичу. Якимович был убийца и негодяй. Три года назад отправил на эшафот пятерых студентов за подготовку цареубийства. Дело было грязное, с самого начала спровоцированное полицией и тем же Якимовичем, в ту пору еще не тайным советником, а всего лишь скромным товарищем прокурора.

Грин убил его во время воскресного гуляния в парке. Просто, без затей: подошел, всадил в сердце кинжал с вырезанными буквами БГ. Пока публика сообразила, что к чему, быстро, но не бегом вышел за ворота и уехал на обычном извозчике.

Акция, проведенная впервые после долгого затишья, отличным образом встряхнула общество. Все заговорили о таинственной организации с кощунственным названием, а когда партия объявила о значении букв и о возобновлении революционной войны, по стране пробежал полузабытый нервический ток – тот самый, без которого немислимы никакие социальные потрясения.

Теперь у Грина было все необходимое для серьезной работы: снаряжение, деньги, люди. Последних он находил сам или выбирал из предложенных партией

кандидатур. Взял себе за правило: в группе должно быть три-четыре человека, не больше. Для террора вполне достаточно.

Дела замышлялись большие, но следующее покушение – на палача Храпова – закончилось провалом. Не полным, потому что у мертвого бомбиста нашли револьвер с надписью БГ, и это произвело впечатление. Но репутация группы все равно пострадала. Больше осечек быть не могло.

Вот как обстояли дела, когда Грин обнаружил на столе сложенную вдвое бумажку с ровными машинописными строчками. Листок он сжег, однако текст запомнил слово в слово.

Храпова пока лучше не трогать, его теперь слишком хорошо охраняют. Когда появится возможность до него добраться, извещу. Пока же сообщаю следующее. Екатериноградский губернатор Богданов по четвергам в восемь вечера тайно наведывается в дом номер десять по Михельсоновской улице. Один, без охраны. В ближайший четверг будет там наверняка. Это и последующие письма по прочтении немедленно сжигайте.

ТГ

Первая мысль была: партия перебарщивает с конспирацией. Что за мелодраматизм с подброшенным письмом? И в каком смысле «ТГ»?

Выяснил у Мельника – нет, ЦК записку не отправлял.

Жандармская ловушка? Непохоже. К чему возводить турысы? Зачем выманывать в Екатериноград? Если явка известна полиции, арестовали бы и здесь.

Получалось третье. Кто-то хочет помочь Боевой Группе, оставаясь в тени.

После некоторого колебания Грин решил рискнуть. Губернатор Богданов, конечно, не бог весть какая персона, но в прошлом году был приговорен партией к смерти за жестокое подавление крестьянских беспорядков в Стрелецкой волости. Не первоочередная задача, но почему бы и нет? Нужен успех.

И успех был. Акция прошла превосходно, если не считать потасовки с городовыми. На месте казни Грин оставил листовку с приговором и подписью БГ.

Потом, в самом начале зимы, появилось второе письмо, найденное им в кармане собственного пальто. Был на свадьбе – конечно, не настоящей, фиктивной. Двое партийцев в интересах дела сочетались браком, а заодно появилась возможность легально встретиться и обсудить кое-какие насущные вопросы. Когда раздевался, никакой записки не было. Когда уходил, сунул руку в карман – листок.

Известный вам жандармский генерал-лейтенант Селиванов инспектирует инкогнито заграничную агентуру Охранного отделения. 13 декабря в половине третьего пополудни он один придет на явочную квартиру в Париже по адресу рю Аннамит, 24.

ТГ

И опять все вышло в точности, как обещал неведомый ТГ: хитрую лису Селиванова удалось взять, можно сказать, голыми руками, о чем в Петербурге нельзя было и мечтать. Подстерегли в подъезде. Грин схватил жандарма сзади за локти, а Рахмет всадил в него кинжал. Теперь о Боевой Группе зашумели и в Европе.

Третье письмо Грин нашел на полу в прихожей. Это было уже в нынешнем году, когда они вчетвером жили на Васильевском. На сей раз отправитель навел на полковника Пожарского, продувную бестию из новой жандармской поросли. Пожарский осенью разгромил варшавский филиал партии, а только что в Кронштадте арестовал матросскую анархистскую организацию, замышлявшую взорвать царскую яхту. В награду получил высокий пост в Департаменте полиции и еще флигель-адъютантский вензель – за спасение августейшей фамилии.

Записка гласила:

Заниматься розыском БГ поручено новому вице-директору Департамента полиции по политическим делам кн. Пожарскому. Это опасный противник, который доставит вам много хлопот. В среду вечером между девятью и десятью у него встреча с каким-то важным агентом на Аптекарском острове близ дачи товарищества Кербель. Удобный момент, не упустите.

ТГ

Упустили, хотя момент и в самом деле был исключительно выгодный. Пожарский проявил сверхъестественную ловкость – отстреливаясь, растворился в темноте. Его спутник был менее проворен, и Рахмет достал его, убегающего, пулей в спину.

Все равно акция оказалась полезной и наделала шуму, потому что в убитом Грин опознал Стасова, члена ЦК и старого шлиссельбуржца, только что нелегально прибывшего из Швейцарии. Кто бы мог подумать, что у полиции в осведомителях такие люди.

А последнее, четвертое послание от ТГ, самое ценное из всех, объявилось вчера утром. В доме было жарко натоплено, форточки на ночь оставили открытыми. Утром Емеля нашел на полу возле окна бумажку, обернутую вокруг камня, прочел и побежал будить Грина.

Вот и очередь Храпова. Сегодня он отправляется в Сибирь одиннадцатичасовым курьерским в министерском вагоне. Удалось выяснить следующее. В Москве Храпов сделает остановку. За его безопасность во время нахождения в Москве отвечает статский советник Фандорин, чиновник особых поручений при кн. Долгоруком. Приметы: 35 лет, худощавого телосложения, высокого роста, брюнет, тонкие усики, седые виски, при разговоре заикается. В Петербурге и Москве предусмотрены чрезвычайные меры охранения. Подобраться к Храпову можно только между этими пунктами. Придумайте что-нибудь. В вагоне будут четыре агента и еще сменный жандармский караул в обоих тамбурах (передний тамбур глухой, с салоном не сообщается). Начальник охраны Храпова – штабс-ротмистр фон Зейдлиц: 32 года, очень светлые волосы, высокий, плотный. Адьютант Храпова – подполковник Модзалевский: 39 лет, полный, среднего роста, волосы темно-русые, небольшие бакенбарды.

ТГ

Грин составил дерзкий, но вполне выполнимый план, сделал необходимые приготовления, и группа трехчасовым пассажирским выехала в Клин.

Сведения ТГ опять оказались безупречны. Все прошло как по маслу. Такой блестящей победы у Боевой Группы еще не было. Казалось бы, можно дать себе поблажку – насладиться ощущением аккуратно исполненного дела. Спичка еще не погасла, еще горит, и разожженное ею пламя занимается все сильнее.

Но насладиться мешала непонятность. А непонятности Грин не выносил. Где непонятность, там и непредсказуемость, а это опасно.

Надо этого ТГ вычислить. Понять, что за человек и чего добивается.

Версия имела всего одна.

Кто-то из помощников или даже самих членов Боевой Группы имеет своего человека в тайной полиции, получает от него секретные сообщения и анонимно передает Грину. Почему не заявляет о себе – ясно. Из конспирации, не желая расширять круг посвященных (Грин и сам всегда вел себя так же). Или прикрывает своего информатора, связанный честным словом, такие случаи бывали.

А вдруг это провокация?

Нет, исключается. Удары, нанесенные группой по государственной машине при помощи ТГ, слишком серьезны. Никакой тактической целесообразностью провокацию такого уровня оправдать невозможно. А главное – за все минувшие месяцы ни разу не было слежки. На это у Грина имелось особое чутье.

Две аббревиации: БГ и ТГ. За первой – организация. А что за второй – имя? Зачем вообще понадобилась подпись?

Вот чем надо заняться по возвращении в Питер: составить список всех, кто имел доступ в места, куда были подброшены записки. Если исключить тех, кто мог попасть во все четыре места, перечень получится коротким. Кроме членов

группы всего несколько человек. Присмотреться к каждому. Определить, кто и вызвать на откровенный разговор. Наедине, предоставив гарантии конфиденциальности.

Однако уже четверть первого. Два часа миновало. Пора будить Рахмета.

Грин прошел через гостиную в темную спальню. Услышал мерное посапывание Снегиря, тихонько всхрапнул Емеля.

– Рахмет, вставай, – шепнул Грин, склонившись над кроватью, и протянул руку.

Пусто. Присел на корточки, пошарил по полу – сапог нет.

Ушел Рахмет, васильковый человек. То ли отправился за приключениями, то ли вовсе сбежал.

Глава третья,

в которой демонстрируются издержки двойной субординации

– Д-долго нас еще будут разглядывать? – скучливо спросил Эраст Петрович, оглянувшись на Бурляева.

С тех пор как статский советник и подполковник (сменивший синий мундир на гражданское платье) вошли в калитку скромного арбатского особняка и позвонили в колокольчик, миновало уже минут пять. Сначала многообещающе качнулась занавеска в окошке надстройки, но далее ничего не последовало.

– А я вас предупреждал, – вполголоса сказал начальник Охранки. – Особа с норовом. Без меня незнакомому человеку и вовсе не отворила бы. – И, задрав голову, крикнул – уж не в первый раз. – Диана, это я, откройте! А со мной тот господин, о котором я телефонировал!

Никакого ответа.

Фандорин уже знал, что особнячок этот, снятый через подставное лицо, является конспиративной квартирой Охранного отделения и предоставлен в полное распоряжение ценной «сотрудницы». Все встречи с ней происходят только здесь и непременно по предварительной договоренности, для чего в доме специально установлен телефонный аппарат.

– Сударыня! – повысил голос и Эраст Петрович. – Вы нас з-заморозите! Это, в конце концов, невежливо! Хотите рассмотреть меня получше? Так сразу и сказали бы.

Он снял цилиндр, поднял лицо кверху, повернулся левым профилем, потом правым, и – о чудо – приоткрылась форточка, из нее высунулись тонкие белые пальчики, и прямо под ноги визитерам упал медный ключ.

– Уф, – облегченно вздохнул подполковник, нагибаясь. – Дайте-ка я сам. Тут замок с секретом...

Разделись в пустой прихожей. Петр Иванович, отчего-то волнуясь, причесался перед зеркалом и стал первым подниматься по скрипучей лестнице в мезонин.

Наверху оказался коридорчик и две двери. Подполковник коротко постучал в ту, что слева, и, не дожидаясь ответа, вошел.

Странно, но в комнате было почти совсем темно. Эраст Петрович вдохнул аромат мускусного масла, огляделся и увидел, что шторы плотно задвинуты, а никакого светильника нет. Кажется, это был кабинет. Во всяком случае, у стены темнело нечто похожее на секретер, а в углу серел письменный стол. Не сразу статский советник разглядел, что подле окна застыла стройная женская фигура с непропорционально большой головой. Фандорин сделал два шага вперед и понял, что на хозяйке берет-амазонка и вуаль.

– Прошу садиться, господа, – приглушенным до свистящего шепота голосом сказала женщина и изящно указала на кресла. – Здравствуйте, Петр Иванович. Так что за срочность? И кто ваш спутник?

– Это господин Фандорин, чиновник особых поручений при князе Владимире Андреевиче, – тоже шепотом ответил Бурляев. – Ведет расследование по делу об убийстве генерал-адъютанта Храпова. Слышали уже?

Диана кивнула и, подождав, пока гости сядут, тоже села – на диван, стоявший у противоположной стены.

– Откуда? Г-газеты об этом еще написать не успели.

Слова были произнесены самым обычным голосом, но по контрасту с предшествующим шептанием прозвучали очень громко.

– Слухом земля полнится, – насмешливо прошелестела «сотрудница». – У нас, революционеров, свои телеграфы.

– А п-поточнее? Все-таки откуда? – не поддался игривости статский советник.

– Диана, это очень важно, – пророкотал Бурляев, как бы сглаживая некоторую резкость вопроса. – Вы даже себе не представляете, до какой степени...

– Отчего же, представляю. – Женщина откинулась назад. – За Храпова всех вас, господа, могут погнать с насиженных мест. Не так ли, Эраст Петрович?

Фандорин подумал, что ее низкий, придушенный голос несомненно обладает чувственным эффектом. Как и мускусный аромат, и ленивые, грациозные движения узкой руки, небрежно поигрывающей серьгой в ухе. Становилось понятно, почему в Жандармском и Охранном из-за этой Мессалины кипят такие страсти.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – Он чуть наклонился вперед. – Вам кто-нибудь про меня уже рассказывал?

Диана, кажется, улыбнулась – шепот стал вкрадчивей:

– И неоднократно. Вами, месье Фандорин, в Москве многие интересуются. Вы любопытный персонаж.

– А в последнее время кто-нибудь говорил с вами о господине статском советнике? – встрял Бурляев. – Например, вчера? Кто-нибудь у вас тут был?

Эраст Петрович недовольно покосился на непрошеного помощника, а Диана беззвучно рассмеялась:

– У меня, Пьер, много кто бывает. Говорил ли мне кто-нибудь про месье Фандорина? Право, не припомню...

Не скажет, понял Эраст Петрович, мысленно отметив «Пьера». Пустая трата времени.

И подпустил в голос металла:

– Вы не ответили на мой первый вопрос. От кого именно вы узнали, что г-генерал Храпов убит?

Диана порывисто поднялась, шепот из обволакивающего стал резким, словно шипение обозленной змеи:

– Я у вас на жаловании не состою и отчетов давать не обязана! Вы забываетесь! Или, быть может, вам не объяснили, кто я? Извольте, я отвечу на ваш вопрос, но на этом разговор будет окончен. И больше сюда не приходите! Слышите, Петр Иванович, чтобы я этого господина здесь впредь не видела!

Подполковник растерянно пригладил коротко остриженные волосы, явно не зная, чью сторону принять, а Фандорин невозмутимо сказал:

– Хорошо, сейчас мы уйдем. Но я жду ответа.

Женщина переместилась к окну, серый прямоугольник которого стал обрамлением точеному силуэту.

– Убийство Храпова – секрет Полишинеля. Вся революционная Москва об этом уже знает и ликует. Сегодня будет даже вечеринка по этому поводу. Я приглашена, но не пойду. А вы можете наведаться. Если повезет – сцапаете кого-нибудь из нелегальных. У инженера Ларионова собираются. Поварская, двадцать восемь.

– Почему вы прямо не спросили ее про Сверчинского? – сердито спросил подполковник, когда ехали в санях обратно в Отделение. – Я подозреваю, что он ее вчера навещал и вполне мог проговориться. Вы сами видели, что это за особа. Играет с мужчинами, как кошка с мышатами.

– Да, – рассеянно кивнул чиновник. – Характерная д-дамочка. Ну да бог с ней. Что нужно сделать, так это установить наблюдение за квартирой этого Ларионова. Отрядить самых опытных филеров, пусть проследят каждого из гостей до дому и установят личность. Потом размотаем контакты каждого из них, по всей цепочке. Выйдем на того, кто первым узнал о Храпове, а там и до Боевой Группы будет недалеко.

Бурляев снисходительно обронил:

– Ничего этого делать не нужно. Ларионов – наш агент. Квартира устроена нами, специально. Чтобы недовольные и сомнительные личности были под нашим присмотром. Зубцов, умница, придумал. У Ларионова всякая околореволюционная дрянь собирается. Поругать власти, попеть недозволенные песни и, конечно, выпить-закусить. Стол у Ларионова хорош, наш секретный фонд оплачивает. Берем болтунов на заметочку, заводим на каждого папочку. Как попадется на чем серьезном – у нас уж на голубчика полная бухгалтерия.

– Но ведь это провокация! – поморщился Эраст Петрович. – Вы сами плодите нигилистов, а потом сами же их арестовываете.

Бурляев почтительно приложил руку к груди:

– Извините, господин Фандорин, вы, конечно, известный авторитет в сфере криминалистики, но в нашем охранном ремесле мало что смыслите.

– Так что же, слежка за гостями Ларионова не нужна?

– Не нужна.

– Что же вы п-предлагаете?

– Тут и предлагать нечего, и так ясно. Сейчас вернусь и отдам приказание Евстратию Павловичу готовить операцию по задержанию. Заберем всех голубчиков широким бреднем и поработаю с ними на славу. В чем вы правы, так это в том, что от кого-то из них ниточка к нашей БГ тянется.

– Арест? Но на каком основании?

– А на том, дорогой Эраст Петрович, основании, что, как справедливо заметила Диана, нас с вами не сегодня-завтра погонят с должностей к чертовой матери. Нет времени слезку разворачивать. Результат нужен.

Фандорин счел необходимым перейти на официальный тон:

– Не забывайте, господин подполковник, что вам предписано выполнять мои указания. Необоснованного ареста я не допущу.

Однако Бурляев перед нажимом не спасовал:

– Верно, предписано. Генерал-губернатором. Но по части дознаний я подчиняюсь не губернским властям, а Департаменту полиции, так что покорнейше прошу извинить. Хотите присутствовать при задержании – извольте, но только не мешайте. Желаете отойти в сторонку – воля ваша.

Эраст Петрович помолчал. Сдвинул брови, глаза грозно блеснули, но гром с молнией так и не грянули.

После паузы статский советник сухо сказал:

– Хорошо. Мешать не стану, но присутствовать буду.

* * *

В восемь часов вечера все было готово к операции.

Дом на Поварской обложили еще с половины седьмого. В первом, ближнем кольце оцепления было пятеро агентов: один, в белом фартуке, соскребал снег у

самых дверей одноэтажного дома за номером двадцать восемь; двое, самые щуплые и низкорослые, изображая подростков, лепили снежную крепость во дворе; еще двое чинили газовый фонарь на углу Борисоглебского переулка. Второе кольцо, из одиннадцати филеров, расположилось в радиусе ста шагов: трое «извозчиков», «городовой», «шарманщик», двое «пьяных», четверо «дворников».

В пять минут девятого по Поварской на санях проехали Бурляев и Фандорин. На облучке вполоборота сидел начальник филеров Мыльников, показывал, как и что.

– Отлично, Евстратий Павлович, – одобрил приготовления подполковник и победительно посмотрел на статского советника, за все время не произнесшего ни слова. – Ну что, господин Фандорин, умеют мои люди работать?

Чиновник отмолчался. Сани свернули в Скарятинский, немного отъехали и встали.

– Сколько их там, голубчиков? – спросил Бурляев.

– Всего, не считая Ларионова и его кухарки, восемь субъектов, – уютно окая, принялся объяснять Мыльников, пухлый господин на вид лет сорока пяти в русской бородке, с длинными волосами в кружок. – В шесть, как приступили к оцеплению, я, Петр Иванович, изволите ли видеть, своего человечка заслал, как бы с заказным письмом. Кухарка ему шепнула, что чужих трое. А после еще пятеро припожаловали. Личности все нам известные, и списочек уж составлен. Шесть лиц мужеского пола, два женского. Кухарке мой человечек велел у себя в каморке сидеть и не высовываться. Я с соседней крыши в окошко подглядел – веселятся нигилисты, вино пьют, уже петь начали. Революционная масленница.

Мыльников сам же и подхихикнул, чтобы уж точно не осталось сомнений: последние слова – шутка.

– Я полагаю, Петр Иванович, брать пора. Не то налакаются, в кураж войдут, могут и сопротивление оказать, с пьяных-то глаз. Или какая ранняя пташка на выход потянется, придется силы дробить. Надо ведь его будет аккуратненько взять, на отдалении, без шума, а то остальных переполошим.

– Может, вы, Евстратий Павлович, мало людей привлекли? Все-таки восемь человек, – засомневался подполковник. – Говорил я вам, что хорошо бы еще из участка городских взять, третьим кольцом растянуть по дворам и перекресткам.

– Ни к чему это, Петр Иванович, – беззаботно промурлыкал Мыльников. – У меня волкодавы натасканные, а там, прошу прощения, мелюзга, мальки – барышни да студентки.

Бурляев потер перчаткой нос (к вечеру стало примораживать):

– Ничего, раз мальки про Храпова уже знают, значит, кто-то из них к большой рыбине ход имеет. С Богом, Евстратий Павлович, приступайте.

Сани снова проехали по Поварской, только теперь лжеизвозчик вывесил на оглоблю фонарь, по этому сигналу второе кольцо подтянулось ближе. Ровно в восемь тридцать Мыльников свистнул в четыре пальца, и в тот же миг семеро агентов вломились в дом.

Сразу следом вошло начальство – Бурляев, Мыльников и Фандорин. Остальные растянулись в цепочку и встали под окнами.

В прихожей Эраст Петрович выглянул из-за спины подполковника и увидел просторную гостиную, сидевших за столом молодых людей, барышню у пианино.

– Не вставать, башку прострелю! – страшным, совсем не таким, как давеча, голосом грянул Мыльников и ударил рукояткой револьвера в лоб рванувшегося со стула студента. Тот, разом побледнев, сел, из рассеченной брови заструился алый ручеек. Прочие участники вечеринки заворуженно уставились на кровь, никто из них не произносил ни слова. Агенты быстро расположились вокруг стола, держа оружие наготове.

– Два, четыре, шесть, восемь, – быстро пересчитал по головам Мыльников. – Еремеев, Зыков, по комнатам, живо! Еще один должен быть! – И крикнул, уже в спину филерам. – Про нужник не забудьте!

– Однако, однако, что все это значит! – дрогнувшим голосом воскликнул очкастый, с эспаньолкой, что сидел во главе стола – очевидно, хозяин. – У меня

именины! Я инженер Трехгорного цементного завода Ларионов! Что за произвол!

Он ударил кулаком по столу и поднялся, но стоявший сзади агент железной хваткой обхватил его за горло, и Ларионов сбился на хрип.

Мыльников веско сказал:

– Я те покажу именины. Кто еще дернется – пулю в брюхо, без разговоров. У меня приказ: при сопротивлении стрелять без предупреждения. Сидеть!!! – гаркнул он на белого от боли и ужаса инженера, и тот плюхнулся на стул.

Еремеев и Зыков вывели из коридора согнутого в три погибели человека с заломанными за спину руками и швырнули на свободное место.

Бурляев откашлялся, выдвинулся вперед. Очевидно, подошел его черед.

– Хм, господин коллежский асессор, вы уж чересчур. Надо же в людях разбираться. Кажется, нас ввели в заблуждение. Тут не бомбисты, а вполне приличная публика. И потом, – он понизил голос, но все равно было слышно, – я же просил вести себя при задержании поделикатней. Зачем это – револьвером по голове, руки заламывать? Право, нехорошо.

Евстратий Павлович недовольно насупился, забурчал вполголоса:

– Господин подполковник, воля ваша, а я бы с этой сволочью по-свойски поговорил. Вы только все испортите своим либерализмом. Дайте мне их на полчаса – соловьями запоят, честное благородное слово.

– Ну уж нет, – прошипел Петр Иванович. – От ваших методов увольте. Я и сам все, что нужно, выясню. – И громко, обыкновенным голосом, спросил. – Господин Ларионов, что у вас за той дверью, кабинет? Не возражаете, если я потолкую там с вашими гостями, по очереди? Вы извините, господа, но чрезвычайное происшествие. – Подполковник обвел глазами задержанных. – Сегодня утром злоумышленниками убит генерал-адъютант Храпов. Тот самый... Я вижу, вы не удивлены? Что ж, об этом и потолкуем. Если не возражаете.

– «Если не возражаете», о Господи! – скрипнул зубами Мыльников и в сердцах рванулся в коридор, опрокинув по дороге стул.

Эраст Петрович страдальчески вздохнул, найдя антрепризу слишком прозрачной, но на задержанных, кажется, подействовало. Во всяком случае все они, как замороженные, смотрели на дверь, за которой скрылся грозный Евстратий Павлович.

Впрочем, не все. Худенькая барышня, сидевшая у пианино и оказавшаяся как-то в стороне от главных происшествий, замороженной не выглядела. Ее матово-черные глаза горели негодованием, хорошенькое смуглое личико было искажено ненавистью. Девушка, скривив сочные алые губки, беззвучно прошептала что-то яростное, протянула тонкую руку к лежавшей на пианино сумочке и выудила оттуда маленький изящный револьвер.

Решительная барышня вцепилась в несерьезное оружие обеими руками и навела прямо в спину жандармскому подполковнику, но Эраст Петрович с места огромным скачком преодолел чуть не полгостиной и, еще не коснувшись ногами пола, ударил тростью по дулу.

Игрушка с перламутровой ручкой ударилась об пол и выстрелила – не так уж и громко, но Бурляев проворно шарахнулся в сторону, а филеры разом навели стволы на отчаянную девицу и несомненно превратили бы ее в решето, если б не статский советник, умопомрачительный прыжок которого завершился как раз перед пианино, так что злоумышленница оказалась у Эраста Петровича за спиной.

– Ах вот как! – вскричал подполковник, еще не оправившись от потрясения. – Ах ты вот как! Сука! Убью на месте! – И рванул из кармана большой револьвер.

На шум из коридора вбежал Мыльников, предостерегающе крикнул:

– Петр Иваныч! Стойте! Она живая нужна! Ребята, берите ее!

Филеры стволы опустили, двое подлетели к барышне и крепко взяли ее за руки.

Бурляев бесцеремонно отодвинул статского советника в сторону и встал перед черноволосой террористкой, возвышаясь над ней чуть не на голову.

- Кто такая? - выдохнул он, пытаясь справиться с удушьем. - Как твое имя?

- На «тыканье» отвечать не буду, - бойко ответила нигилистка, глядя на жандарма снизу вверх.

- Как вас зовут? - терпеливо спросил подошедший Мыльников. - Имя, звание. Назовитесь.

- Эсфирь Литвинова, дочь действительного статского советника, - так же вежливо ответила задержанная.

- Дочь банкира Литвинова, - вполголоса пояснил Евстратий Павлович начальнику. - Проходит по разработкам. Но до сих пор ни в чем подобном не замечалась.

- Хоть самого Ротшильда! - процедил Бурляев, вытирая вспотевший лоб. - За это ты, мерзавка, на каторгу пойдешь. Там тебя жидовскими кошерками кормить не станут.

Эраст Петрович нахмурился, готовясь вступить за честь мадемуазель Литвиновой, но в его заступничестве здесь, кажется, не нуждались.

Банкирская дочка презрительно бросила подполковнику:

- Скотина! Животное! В морду захотел, как Храпов?

Бурляев стал стремительно багроветь и, дойдя до совершенно свекольного колера, рявкнул:

- Евстратий Павлович, рассаживайте арестованных по саням и везите в предварилровку!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Агенты-provokatory (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/statskiy-sovetnik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)